

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Галактический следопыт

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Галактический следопыт / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509156-7

«Галактический следопыт» — сборник, содержащий две из знаменитых детективных «научно-фантастических» повестей Джека Вэнса. Эти повести — классический Вэнс: захватывающие дух приключения на колоритных и опасных планетах, экзотические обычаи рас, развившихся в неповторимых условиях, и, конечно же, энергично действующий на этом живописном фоне межпланетный частный детектив высшего полета Майро Хетцель, слегка донкихотствующий, но в конечном счете никогда не забывающий о собственных интересах.

ISBN 978-5-00-509156-7

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО СОБАЧЬЕЙ СЛОБОДЫ	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галактический следопыт

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-9156-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО СОБАЧЬЕЙ СЛОБОДЫ

Глава 1

Хетцель строчил четким угловатым почерком, обмакивая коротко очиненное перо в черную тушь:

«Уважаемая мадам Икс!

Выполняя указания, переданные посыльным, я проследил человека по прозвищу Казимир Вульфаш до Твиссельбейна на планете Тамар в секторе Нова Челесте, куда тот прибыл 23 яниара сего года по ойкуменическому календарю.

В Твиссельбейне в-р Вульфаш устроился официантом в кафе Фабриланкуса, представившись хозяину под именем «Кармин Дарубль». По вечерам, не будучи занят другими делами, он подрабатывал в местном «Миррографе», сопровождая за мзду дам, нуждающихся в подобных услугах.

Примерно три месяца тому назад он покинул Тамар в компании молодой особы, имя которой мне установить не удалось. Показывая его фотографию работникам космопорта, я определил, что в-р Вульфаш отправился, как ни странно, на планету Маз.

Я истратил предоставленный Вами аванс и не стану прилагать дополнительные усилия, пока не получу дальнейшие указания.

С уважением и с наилучшими пожеланиями, Хетцель, в-р».

Хетцель адресовал письмо «Подписчику, п/я 434, Ферронс» и опустил его в прорезь системы рассылки. Судя по всему, дело можно было считать закрытым. В свое время оскорбленные чувства мадам Икс успокоятся, а красавец-блондин Казимир Вульфаш, каково бы ни было его настоящее имя, не преминет и впредь чаровать впечатлительных дам строгим благородным профилем.

Чем, однако, такая планета, как Маз, могла привлечь такого человека, как Вульфаш? Хетцель озадаченно покачал головой, после чего сосредоточил внимание на других, более насущных вопросах.

Глава 2

Сэр Айвон Просекант решил принять Хетцеля лично; настолько важное дело нельзя было оставить на усмотрение подчиненных. По той же причине с ним нельзя было встречаться в главном управлении компании в Ферронсе, где за происходящим наблюдали тысячи служащих – а Хетцель, по существу, был непредсказуемой личностью, несмотря на его известность и высокую репутацию среди представителей той же почти сомнительной профессии. Чтобы не подвергать риску свое достоинство, сэр Айвон был вынужден обсуждать этот вопрос в своей усадьбе в Харте.

Хетцель прибыл в назначенное время, и его провели на открытую террасу. Сэр Айвон не любил неожиданности и нахмурился, когда вместо ожидаемого головореза, передвигающегося украдкой и озирающегося по сторонам, увидел вполне приличного темноволосого субъекта, очевидно компетентного и даже отличавшегося неким спокойным изяществом манер, свойственным скорее людям благородного происхождения. Подчеркнуто обычный, ненавязчивый костюм сыщика неким парадоксальным образом производил противоположное впечатление тщательно сдержанной экстравагантности.

Сэр Айвон небрежно кивнул и жестом пригласил посетителя сесть: «Не желаете ли чашку чая?»

«С удовольствием».

Сэр Айвон прикоснулся к кнопке и сразу перешел к делу: «Как вам, скорее всего, известно, я – председатель совета директоров компании «Палладиан майкроникс». Мы поставляем исключительно сложные механизмы: искусственные мозги для роботов, автоматы-переводчики, психоэйдетические аналоги и тому подобное. Изготовление этих изделий занимает много времени и требует напряженного ручного труда – автоматическая сборка невозможна, в связи с чем наша продукция, как правило, стóит очень дорого.

Возникла в высшей степени любопытная ситуация. Разумеется, у нас есть отраслевые соперники; важнейшие из них – корпорация «Субискон», ассоциация «Педро Комайр» и «Террестриал майкроникс». Все мы предлагаем на рынке сходное оборудование по конкурентоспособным ценам, но, как правило, нам удается сосуществовать, не прибегая к мерам, выходящим за рамки обычного надувательства. Теперь, однако, нам приходится иметь дело с надувательством весьма и весьма необычным». Сэр Айвон взглянул на Хетцеля, чтобы оценить впечатление, произведенное его вступлением, но сыщик всего лишь вежливо кивнул: «Продолжайте».

Сэр Айвон прокашлялся: «Примерно полгода тому назад компания под наименованием „Истагам“ стала рекламировать несколько дорогостоящих механизмов по расценкам, которые мы не могли бы себе позволить даже в далеком будущем. Само собой, наши инженеры изучили эту продукцию в поиске компонентов, позволивших изготовителю экономить средства, но не добились успеха. Механизмы изготовлены как минимум в соответствии с нашими собственными стандартами. Вы могли бы спросить: где находится компания „Истагам“, кто они такие? Что ж, именно этот вопрос мы задаем себе сами».

Из глубин усадьбы, толкая тележку с чайным сервизом, появилась дородная женщина в обширном колышущемся платье из розового и черного шелка. Хетцель галантно привстал: «Леди Просекант, надо полагать?»

«О нет, сударь! Я – Рейнхольда, здешняя домоправительница. Будьте добры, садитесь. А я подам чаю».

Хетцель поклонился и сел. Сэр Айвон искоса наблюдал за ним с мрачноватой усмешкой. «Вам это может показаться пустяком – в конце концов, пока что мы потеряли всего лишь

несколько миллионов СЕРСов¹, – продолжал он. – Тем не менее, мы рискуем гораздо бóльшим. Если завоевание рынка компанией „Истагам“ продолжится, мы – говоря „мы“, я подразумеваю все предприятия, законно производящие микронику – окажемся в безвыходной ситуации».

«Неотложное дело, хорошо вас понимаю, – отозвался Хетцель. – Вынужден напомнить, однако, что я не занимаюсь промышленным шпионажем – по меньшей мере, если мне не пообещают астрономический гонорар, и даже в таком случае...»

Сэр Айвон раздраженно поднял руку: «Выслушайте меня! Налицо чрезвычайная ситуация. В противном случае я просто-напросто поручил бы расследование одному из крупных агентств. Между прочим, должен заметить, что ваш гонорар, хотя и вполне удовлетворительный, нельзя будет назвать „астрономическим“. Если бы эта работа сулила несметные богатства, я бы сам за нее взялся».

Хетцель попробовал чай: «Готов выслушать вас без предубеждения».

Сэр Айвон продолжал разъяснения размеренным, слегка дидактическим тоном: «Компания „Истагам“ распространяет свою продукцию, пользуясь как минимум тремя или четырьмя оптовыми складами – все они находятся к северу от Бездны Джека Чандлера. Один из этих складов – в ничем не примечательном маленьком городке под наименованием Ультимо на планете Глэмфайр. Полагаю, вам не приходилось там бывать?»

«Даже не слышал об этой планете».

«Что ж, Глэмфайр – довольно-таки унылый мир, на самом краю Ойкумены. Я связался с нашим торговым агентом в этом секторе и попросил его навести справки». Сэр Айвон вынул из ящика стола документ и передал его Хетцелю: «Вот его отчет».

Письмо было отправлено за месяц до встречи Хетцеля с Просекантом неким Урвиксом Ламборосом из космопорта Эстанс-Уно на планете Глэмфайр:

*«Сэру Айвону Просеканту
в усадьбе Харт на Луговине,
Харт, Дельта Рас-Альхага*

Высокопочтимый сэр Просекант!

Выполняя Ваше поручение, я выехал в Ультимо, где навел соответствующие справки среди местных жителей. Партии продукции поступали на склад компании «Истагам» 19 марта, 4 мая и 6 июля по стандартному ойкуменическому календарю. Затем я расспросил работников космопорта Ультимо, где приземляются звездолеты компаний «Кругг» и «Красный грифон», а иногда и компании «Озирис». Непосредственно перед наступлением вышеупомянутых дат доставки продукции в космопорте Ультимо производилась разгрузка следующих звездолетов:

12 марта «Паэско» (компании «Красный грифон»)

17 марта «Бардиксон» (компании «Кругг»)

3 мая «Фулиас» (компании «Кругг»)

3 июля «Канзаспара» (компании «Кругг»)

Мне не смогли сообщить, в каких портах загружались перечисленные корабли.

¹ СЕРС: стандартная единица расчета стоимости; общепринятая в Ойкумене денежная единица, эквивалентная ценности одного часа неквалифицированного труда. Такая валюта заменяет любые другие монетарные базы, так как она обеспечена единственным продуктом, неизменно находящим спрос во всей населенной человеком части Галактики, а именно тяжелым физическим трудом.

Надеюсь, что смогу и в дальнейшем оказывать Вам полезные услуги, и остаюсь, с глубочайшим почтением, Вашим надежным сотрудником, Урвикс Ламборос, в-р».

Хетцель вернул письмо хозяину усадьбы. Сэр Айвон сказал: «Связавшись с работниками компании „Кругг“, я узнал, что каждый из трех последних кораблей из списка Ламбороса заходил в один и тот же порт». Сэр Айвон сделал драматическую паузу, чтобы подчеркнуть необычность дальнейшей информации: «Они загрузались в порту Аксистиля на планете Маз».

Хетцель напряженно наклонился к собеседнику: «Маз?»

«По-видимому, вас это настораживает», – заметил сэр Айвон.

«Не столько настораживает, сколько удивляет и вызывает недоумение, – ответил Хетцель. – Кто может изготавливать микронные компоненты на Мазе?»

Сэр Айвон откинулся на спинку кресла: «Вот именно. Кто бы это мог быть? Гомазы? Какой абсурд! Лиссы? Олефракты? Уму непостижимо! Перед нами тайна, чреватая любопытнейшими последствиями».

Хетцель согласился: «Действительно, незаурядное дело».

На веранду вышла высокая женщина впечатляющей внешности в модном вечернем платье из складчатой коричневой, красной и золотистой материи, с плюмажем черных перьев над пересекающей лоб черной бархатной лентой. У нее были повелительные манеры, и она практически игнорировала Хетцеля, снова поднявшегося на ноги – сэр Айвон, с некоторой задержкой, последовал его примеру.

«Айвон, умоляю тебя, сделай что-нибудь! – воскликнула женщина. – Необходимо принять меры! Фелиция еще не вернулась из Грейторпа – несмотря на то, что, как тебе известно, я дала ей самые недвусмысленные указания».

«Да, дорогая, – отозвался сэр Айвон. – В свое время я этим займусь, но сейчас, как видишь, я занят неотложными делами». Промышленник покосился на Хетцеля, поколебался, после чего неохотно представил его супруге: «Это висфер² Майро Хетцель, частный детектив. Он проведет кое-какие расследования по поручению консорциума. Висфер Хетцель, позвольте представить вам леди Бонвенуту Просекант».

«Возможность познакомиться с вами – большая честь», – поклонился Хетцель.

«Очень приятно,» – ледяным тоном обронила леди Бонвенута. Повернувшись к супругу, она сказала: «Вынуждена настаивать на том, чтобы ты серьезно поговорил с Фелицией. В Грейторпе, как тебе известно, ошиваются сомнительные личности».

«Я так и сделаю».

Слегка наклонив голову, Леди Бонвенута попрощалась с Хетцелем и вернулась в усадьбу. Сэр Айвон и Хетцель снова уселись, и промышленник продолжил пояснения: «Таким образом, судя по всему, продукция компании „Истагам“ поставляется с планеты Маз – достопримечательное обстоятельство, мягко говоря».

«Несомненно. Что, в точности, вы хотели бы мне поручить?»

Сэр Айвон бросил на сыщика быстрый озадаченный взгляд, словно поражаясь наивности собеседника: «Первоочередная цель заключается в сборе информации. Наблюдается ли попытка лиссов или олефрактов проникнуть на ойкуменический рынок? Если это так, согласятся ли они покупать ойкуменические товары? А если это не так, кто стоит за компанией „Истагам“, кто на нее работает? И каким образом им удалось добиться такой невероятной экономии затрат на производство?»

² Висфер (сокращенно: «в-р») – первоначально «виасвар», пострижник древнего легиона Истины; со временем это звание превратилось в почтительное обращение к представителям низших слоев общества, неспособным претендовать на аристократическое происхождение.

«На первый взгляд, не слишком сложная задача».

Обняв себя руками, сэр Айвон созерцал вид, открывающийся с террасы: «Вряд ли следует лишний раз упоминать о том, что „Истагам“ представляет собой угрозу, которую в конечном счете придется устранить. Естественно, я не предлагаю саботаж или убийства по заказу, об этом не может быть речи. Тем не менее, у вас есть свои методы – именно благодаря их применению вы заслужили завидную репутацию».

Хетцель нахмурился: «Следует ли понимать ваши слова так, что, по вашему мнению, я заслужил репутацию убийцы и саботажника, что вызывает у вас зависть?»

Резко взглянув на сыщика, сэр Айвон решил проигнорировать бестактную шутку: «Еще один вопрос, который может быть связан или не связан с „Истагамом“. Время от времени я храню здесь, в Харте, кое-какие важные документы – обычно не дольше одного или двух дней, но иногда и в течение недели – для того, чтобы внимательно изучать их на досуге. Примерно три месяца тому назад у меня похитили портфель, содержащий ценную информацию об организации сбыта. Если эти бумаги попадут в руки конкурентов, они предоставят им существенные преимущества; для „Истагама“ получение этих сведений было бы равносильно обнаружению сокровища. Кража совершена мастерски; никто не видел преступника, он не оставил никаких следов, а я обнаружил хищение только тогда, когда решил еще раз просмотреть бумаги. Упоминаю об этом только для того, чтобы предупредить вас о возможном характере деятельности компании „Истагам“. На нее работают люди, явно неразборчивые в средствах».

«Учту ваше предупреждение со всей возможной серьезностью, – заверил промышленник Хетцель, – допуская, что вы доверите мне решение этой опасной и трудной задачи».

Сэр Айвон возвел очи к небу, будто взывая к звездам с мольбой о защите от алчности ненасытного следопыта. Опустив руку в карман, промышленник достал брошюру и передал ее Хетцелю: «Это карта Аксистиля, опубликованная на Мазе местным туристическим агентством. Как вы можете видеть, Аксистиль – небольшой населенный пункт. Пограничная площадь и Трискелион находятся в юрисдикции триархов. В Ойкуменическом секторе, обозначенном светло-зеленым цветом, расположены, в частности, космопорт, отель „Бейранион“, где вы остановитесь, и колония, известная под наименованием Собачьей слободы. Окраина Собачьей слободы – на территории гомазов, то есть не контролируется ойкуменическими властями; там скрываются уголовники, бродяги и прочий сброд. В секторе лиссов, светло-лиловом, лиссы содержат свой собственный космический порт. Сектор олефрактов раскрашен в светло-оранжевую полосу». Тон сэра Айвона стал искренним и дружелюбным: «Говорят, это поразительный город! Вероятно, во всей Галактике нет ничего подобного – место стыковки и взаимодействия трех межзвездных цивилизаций! Представьте себе!»

«Все это очень замечательно, – пожал плечами Хетцель. – Вернемся к вопросу о моем гоноре...»

Сэр Айвон умоляюще поднял руку: «Позвольте мне вкратце повторить то, что нам известно, и то, что вам предстоит узнать. Компания „Истагам“ поставяет продукцию через ойкуменический космопорт. Откуда берется эта продукция? По-видимому, существуют три возможности. Оборудование может производиться в Империи Лиссов, в Империи Олефрактов или непосредственно на Мазе. В том маловероятном случае, если лиссы или олефракты производят товары и пытаются сбывать их в Ойкумене, проблема становится исключительно трудноразрешимой. И лиссы, и олефракты ненавидят и боятся представителей других разумных рас; они ни в коем случае не допустят никакого возмещения в виде сбыта человеческой продукции на их территории и в их солнечных системах. Значит, остается Маз! Но опять же, это практически невероятно! У гомазов, несмотря на их достопримечательные свойства и способности, нет никакой дисциплины; невозможно представить себе группу воинов-гомазов, занятых конвейерной сборкой аппаратуры». Сэр Айвон развел руками: «Головоломка, достойная использования ваших талантов».

«Совершенно верно. А теперь следует рассмотреть вопрос, имеющий существенное значение...»

«Вопрос о вашем гонораре». Сэр Айвон прокашлялся: «Я уполномочен предложить вам более чем достаточное, с моей точки зрения, содержание – тридцать СЕРСов в день, а также покрывать разумные расходы, связанные с выполнением ваших обязанностей. Если результаты расследования окажутся весьма удовлетворительными – другими словами, если все поставленные перед вами цели будут достигнуты в максимальной возможной степени – вы получите премиальные».

Хетцель замер, не веря своим ушам: «Вы шутить изволите».

«Давайте не будем надоедать друг другу наигранными мелодраматическими репликами, – сказал сэр Айвон. – Мне хорошо известно, в каком положении вы находитесь. Вы – проницательный человек с привычками кочевника и претензиями, превышающими ваши возможности. В настоящее время вы остановились в гостинице, пользующейся весьма сомнительной репутацией, что позволяет предположить...»

Хетцель прервал его: «Совершенно ясно, что вы заняли руководящую должность в своей компании отнюдь не благодаря такту или умению льстить. Но ваш подход упрощает дело, так как теперь я могу без обиняков изложить все, что я думаю о складе ума беззастенчивых торговцев...»

«Время – деньги! – воскликнул сэр Айвон. – Я не могу его тратить, выслушивая нахальные замечания или психоаналитическую болтовню. Поэтому давайте...»

«Один момент! – снова прервал его Хетцель. – Как правило, достоинство не позволяет мне торговаться, но я могу ставить условия так же, как их поставили вы. Вы предложили смешотворную сумму. Я мог бы назвать сумму столь же фантастическую, но для начала предпочитаю выдвинуть минимальные требования».

«Хорошо – каковы эти требования?»

«Вы узнали обо мне потому, что я приобрел репутацию проницательного, находчивого и компетентного детектива; вы желаете использовать мои услуги с выгодой для себя. Мои услуги обходятся недешево. Мы могли бы подписать договор, предусматривающий содержание в размере ста СЕРСов за каждый стандартный ойкуменический день, выплату аванса наличными, покрывающего необходимые расходы, в размере пяти тысяч СЕРСов, выдачу аккредитива, подлежащего оплате в банке Аксистилия, на тот случай, если потребуются дополнительные затраты, а также премиальные в размере пяти тысяч СЕРСов в том случае, если расследование будет завершено к вашему удовлетворению в течение одного месяца, с недвусмысленной оговоркой, подтверждающей наше взаимопонимание по вопросу об однозначном ограничении смыслового содержания термина „расследование“, не включающего убийства, хищения, уничтожение имущества или самоубийство – за исключением, разумеется, тех ситуаций, в которых они могут оказаться неизбежными».

Лицо сэра Айвона порозовело: «Ваше капризное своеобразие не поддается пониманию! Некоторые из ваших замечаний более или менее разумны, и я мог бы проявить уступчивость, слегка изменив сумму предлагаемого гонорара...»

Беседа продолжалась еще целый час. Наконец была достигнута окончательная договоренность: Хетцель согласился немедленно отправиться на окраину Ойкумены и начать расследование на планете Маз.

Сэр Айвон, снова сдержанный и сосредоточенный, дал Хетцелю последние указания: «Обязанности представителя Ойкумены в Триархии выполняет сэр Эстефан Тристо. Рекомендую сразу представиться ему и разъяснить сущность порученной вам задачи; не вижу причин, по которым он не предоставил бы вам все возможное содействие».

«В таких случаях, как этот, – отозвался Хетцель, – самые очевидные и разумные подходы, как правило, наименее эффективны. Но с кого-то придется начинать – почему бы не с сэра Эстева Тристо?»

Глава 3

Маз – небольшой мир, утонувший в плотной атмосфере – вращался в компании большой замерзшей луны вокруг звезды Хис, белого карлика. Планету окружал дымчатый оранжевый нимб, подобного которому Хетцель еще никогда не видел; никогда не видел он и такой луны, походившей на отливающий жирным блеском серебристо-зеленый бильярдный шар, местами припорошенный ледяной изморосью.

Пассажирский пакетбот «Эмма Ноукер» компании «Барбаник» задержался на орбите, чтобы пройти обязательный осмотр представителями Триархии. К пакетботу медленно приблизились два челнока – патрульный катер лиссов повис над носовой рубкой, челнок олефрактов можно было видеть из боковых иллюминаторов. Все пассажиры, вытягивая шеи, пытались как можно лучше разглядеть эти произведения экзотических трансгалактических разумных рас, почти ничего о себе не сообщавших. Пристыковался ойкуменический корвет; в пассажирском звездолете появился лоцман – он должен был убедиться в отсутствии на борту запрещенных видов оружия и проследить за тем, чтобы корабль приземлился на космодроме ойкуменического сектора, а не где-нибудь еще.

Пакетбот стал быстро приближаться к поверхности планеты. Ландшафты Маза говорили о глубокой древности этого мира: полдюжины мелководных морей и несколько хребтов – скорее высоких холмов, нежели гор – разделяли болота и волнистые равнины, где лениво петляли редкие реки, напоминавшие вены с тыльной стороны старческой ладони.

Аксистиль – дипломатический центр под управлением суперинтендантов Триархии – занимал часть низкого плоскогорья в северном экваториальном поясе. Утром, за несколько часов до полудня по местному времени, «Эмма Ноукер» приземлилась на поле ойкуменического космопорта, меньше чем в километре к востоку от Трискелиона. Пограничные и таможенные формальности не потребовали длительного ожидания, и Хетцель, в компании нескольких десятков пассажиров, главным образом туристов, прошел в здание космического вокзала. Он сразу позвонил в отель «Бейранион», торопясь убедиться в том, что заказанный для него номер не займет кто-нибудь другой. Регистратор отеля сообщил, что ему отвели лучшие помещения – апартаменты в садовом флигеле; расценки «кусались» – если бы Хетцелю пришлось самому платить по счету, он ни за что не позволил бы себе такую роскошь. У здания вокзала уже стоял просторный крытый экипаж из отеля «Бейранион». Хетцель доверил саквояж водителю и направился пешком вдоль Последней Мили к Пограничной площади Триархии.

«Зловеще прекрасный мир!» – думал Хетцель. Взгляд наверх, в небо, вызывал такое же ощущение, как взгляд в зеленоватую пучину моря. Белая звезда Хис, на полпути к зениту, блеснула, как серебряная монета. Слева простиралась, расплываясь в дымке горизонта, пустошь, усеянная буграми мшистой поросли. Справа примерно такие же островки растительности спускались к хаотическому скоплению сараев, хижин и нескольких более основательных центральных строений из беленого известняка – к Собачьей слободе.

По пути Хетцель никого не встретил; по сути дела, на всем протяжении его пребывания в Аксистиле контраст между монументальными сооружениями дипломатического центра и почти полным отсутствием населения создавал единственную в своем роде гипнотическую атмосферу галлюцинации – как если бы Аксистиль был не более, чем гигантской театральной сценой, лишенной актеров.

Последняя Миля заканчивалась на Пограничной площади. Здесь был установлен знак со следующим предупреждением:

«Вы находитесь на краю Ойкумены – впереди, сразу за этим знаком, проходит граница юрисдикции триархов. Проявляйте сдержанность, соблюдая общепринятые правила приличия – обычно такое поведение

не приводит к каким-либо неожиданным нежелательным инцидентам. Предусмотрительным посетителям, однако, настоятельно рекомендуется приобрести экземпляр «Особых правил» в Трискелионе или в той гостинице, где вы остановились, и руководствоваться этими правилами.

Внимание! Внимание! Ни в коем случае не заходите в анклав лиссов или олефрактов; это почти неизбежно влечет за собой исключительно неприятные последствия.

Не пытайтесь знакомиться с аборигенами-гомазами! В Аксистиле они, как правило, не агрессивны; тем не менее, их реакция на попытки общения непредсказуема. Если хотите, вы можете наблюдать за ними вблизи, но не прикасайтесь к ним и не пытайтесь завязать разговор. Гомазы – чувствительные и опытные телепаты, но о том, в какой мере и как они понимают человеческие мысли, остается только догадываться.

Самое важное! Не предлагайте в дар, в обмен или в продажу и не показывайте гомазам какое-либо оружие! Наказание за нарушение этого правила – пожизненное заключение в Прозрачной тюрьме. Исключения не делаются ни для кого: соблюдение этого правила неукоснительно обеспечивается триархами, двое из которых представляют цивилизации лиссов и олефрактов. Ни тот, ни другой не проявляют никакого снисхождения к дерзким выходкам или пьяной отваге. Будьте уверены: если вы нарушите это правило, ваше посещение планеты Маз закончится трагически».

«Объявление, скорее вызывающее депрессию, нежели возбуждающее интерес!» – подумал Хетцель. Судя по всему, любое поведение, свойственное туристам, получающим удовольствие от поездки и гуляющим навеселе, каралось смертью, наказывалось пожизненным заключением или приводило к внезапному нападению. Тем не менее, именно щекочущее нервы ощущение опасности, конечно же, побуждало многих посетить Маз.

Хетцель сделал шаг вперед и тем самым оказался за пределами Ойкумены. Он вышел на Пограничную площадь – обширное пространство, вымощенное серебристо-серым кристаллическим сланцем, казалось, испускавшим, а не отражавшим мерцающий свет. С одной стороны возвышались шпили, купола, причудливые колонны и асимметричные блоки Трискелиона – поистине уникального сооружения из трех сегментов, спроектированных архитекторами трех галактических рас. За Трискелионом, в юго-западном и северо-западном направлениях, начинались плотно застроенные секторы лиссов и олефрактов. С северной стороны Пограничной площади, напротив Трискелиона, бросалась в глаза пара монументов, совместно возведенных тремя империями: Скала Отчаяния, на которой вожди гомазов, онемевшие под бременем катастрофы, сдались триархам, и многокамерный улей из толстого стекла, вставленного в стойки и перекладины из медной черни – Прозрачная тюрьма. Оба сооружения были окружены чем-то вроде небольшого парка – несколько деревьев с темной блестящей листвой оттенка кожуры баклажана росли вдоль полос пыльно-зеленого дерна. На северо-востоке возвышался фасад отеля «Бейранион», куда и направил стопы Хетцель.

Отель «Бейранион» и непосредственно примыкающие к нему участки составляли наименьшее независимое государство в пределах Ойкумены. Собственно здание отеля окружал сад площадью чуть больше гектара, а с одной стороны сада тянулся новый «садовый флигель». Хетцель зарегистрировался в вестибюле, и его проводили в отведенные ему номера.

Хетцель нашел свои апартаменты более чем удовлетворительными. Окна гостиной выходили в сад, полный странных оттенков, причудливых форм и щекочущих ноздри ароматов. Под сенью черных тонкоствольных деревьев, в высоту достигавших крыши отеля, ютились кочки багрово-черного мха; из пруда торчали напоминавшие конские хвосты пучки хво-

щей с отливающими свинцовым блеском стеблями и оранжевыми метелками. Вдоль дорожек цвели голубые герани, подмигивающие свечные огоньки и туземная мята – все они приправляли жгучей остротой дымно-кисловатые испарения мха. По саду уже бродили новоприбывшие туристы, дивясь экзотической растительности и непривычным запахам. Хетцель зашел в спальню и обнаружил, что оттуда открывался вид на Собачью слободу, где он намеревался побывать на следующий день. Прежде всего, однако, нужно было заняться расследованием.

Он подошел к телефону и позвонил в управление ойкуменического триарха в Трискелионе. На вспыхнувшем экране появилось изящно-учливое лицо кудрявой блондинки-секретарши, розовеющее, как лепесток розы. Она произнесла прохладным и звонким голосом, напомиравшим звук потревоженных ветром далеких колокольчиков: «Управление сэра Эстева Тристо. Что вам угодно?»

«Меня зовут Майро Хетцель. Надеюсь, что сэр Эстеван сможет уделить мне несколько минут, как только он освободится, чтобы обсудить дело первостепенной важности. Могу ли я встретиться с ним сегодня вечером?»

«По какому делу вы к нему обращаетесь, сударь?»

«Я хотел бы получить сведения о некоторых событиях, происходящих на Мазе...»

«Такую информацию можно запросить у висферы Фелиус в справочном бюро Трискелиона, или в туристическом агентстве Собачьей слободы. Сэр Эстеван занимается исключительно делами Триархии».

«Тем не менее, его необходимо поставить в известность о сложившейся ситуации. Это не займет много времени».

«В настоящее время сэра Эстева нет, и я сомневаюсь, что он вернется в управление до следующего заседания триархов».

«И когда же оно состоится?»

«Через пять дней, утром, за три часа до полудня. После заседания сэр Эстеван иногда принимает посетителей. Вы – журналист?»

«Нечто в этом роде. Может быть, он сможет встретиться со мной у себя дома?»

«Нет, сударь, – физиономия секретарши, нежная и свежая, как лицо ребенка, не выражала ни малейшего сочувствия и никакого желания интересоваться проблемами Хетцеля. – Он принимает представителей общественности только в Трискелионе и только после заседаний триархов».

«Но я обращаюсь к нему по вопросу сугубо частного характера!»

«Сэр Эстеван не делает исключений для частных лиц. После заседания триархов он проводит в управлении один или два часа. Возможно, он согласится вас принять в это время».

Хетцель раздраженно выключил телефон.

В городском справочнике телефон домашней резиденции сэра Эстева не числился. Хетцель позвонил регистратору отеля «Бейранион» и спросил: «Существует ли какой-нибудь способ связаться с сэром Эстеваном Тристо? Его секретарша отказывается мне помочь».

«Ей запрещено оказывать кому-либо такую помощь. Туристы слишком часто тревожат сэра Эстева своими передрыгами, а соискатели покровительства то и дело пытаются вручить ему рекомендательные письма. Застать триарха можно только у него в управлении».

«Через пять дней?»

«Если вам повезет. Известно, что сэр Эстеван пользуется потайным выходом, когда стремится избежать встречи с посетителем».

«Судя по всему, триарх – человек с трудным характером».

«Вы совершенно правы».

Наступил полдень. Хетцель прогулялся по саду и зашел в ресторан отеля: обшитое деревянными панелями помещение, украшенное колоритными изделиями гомазов – фетишами и литыми чугунными шлемами с гребнями и шипами, а также чучелом горгульи с наго-

рья Шимкиш. Столы и стулья были вырезаны из туземных пород дерева, скатерти из мягкой рогожи расшиты типичными местными эмблемами. Хетцель неторопливо подкрепился лучшими произведениями гостиничных поваров, после чего вышел на Пограничную площадь. У Прозрачной тюрьмы он задержался, чтобы рассмотреть заключенных, выглядывавших из стеклянных камер – контрабандистов и мелких дельцов, пытавшихся продать оружие гомазам. Узникам предстояло провести в прозрачных клетках остаток своих дней; их бледные лица выражали одинаковое угрюмое безразличие. Время от времени кто-нибудь из них заставлял себя сделать усилие, приветствуя наблюдателя неприличным жестом или показывая ему голый зад. Хетцель убедился в том, что среди обитателей Прозрачной тюрьмы не было его знакомых или бывших клиентов. Все они были людьми с планет Ойкумены, что, по мнению Хетцеля, позволяло сделать немаловажные выводы по поводу особенностей человеческого характера. Представители человеческой расы, по-видимому, отличались большей предприимчивостью и большим индивидуальным разнообразием, нежели отдельные лиссы или олефракты, тогда как крайности, присущие гомазам, не поддавались сравнению на общих основаниях.

Хетцель отвернулся от стеклянных клеток. Заключенные – пираты, отбросы общества, искатели опасных приключений – не вызывали у него почти никаких сожалений. Во имя наживы они стремились вооружить гомазов, не принимая во внимание тот факт, что гомазы, получив в свое распоряжение какое бы то ни было, самое устаревшее оружие, а также какие-либо средства передвижения в космосе, немедленно приступили бы к завоеванию Галактики, в том числе миров Ойкумены – что они и попытались сделать сорок шесть лет тому назад.

Хетцель продолжал идти по Пограничной площади – настолько огромному, залитому солнцем пространству, что в водянистом дрожащем воздухе Маза сооружения на периферии казались угрожающими тенями. Он чувствовал себя в полном одиночестве, подобно рыбацкой лодке, затерявшейся в пустынных просторах океана. Пожалуй, однако, дюжина темных силуэтов перемещалась где-то в серебристо-серых перспективах площади – слишком далеко, чтобы одну фигуру можно было отличить от другой. «Любопытный ландшафт! – подумал Хетцель. – Станный, как сон».

По мере приближения Трискелион материализовался и приобрел четкость очертаний. Хетцель повернул в сторону, чтобы пройти вокруг этого здания – и тем самым, по существу, пересек участка, по меньшей мере теоретически находившиеся под контролем лиссов и олефрактов, хотя психологически их влияние оказалось вполне ощутимым. По пути Хетцелю встретился лисс – гибкое темное существо в алой мантии, а уже через несколько секунд поодаль показался олефронт. Оба, казалось, отнеслись к присутствию человека с полным безразличием; оба вызвали у него необычное смешанное чувство острого любопытства и отвращения – почему? Хетцель не мог убедительно объяснить себе такую реакцию. Вернувшись к ойкуменическому входу, Хетцель ощутил едва заметное облегчение, словно понял, что избежал какой-то неопределенной опасности.

Поднявшись на три ступени, он прошел под хрустальной аркой в просторный вестибюль; в центре вестибюля находился треугольный прилавок справочного бюро. С двух сторон, обращенных к секторам лиссов и олефрактов, не было ни персонала, ни посетителей. Со стороны, обращенной к ойкуменическому входу, двое служащих пытались отвечать на вопросы перебивавших друг друга новоприбывших туристов. В стороне, с благодушным презрением поглядывая на входящих, стоял круглолицый человек в роскошной, хотя и тесноватой для него голубой униформе с зелеными нашивками. Серебристая бахрома эполетов и блестящий серебристый узор на козырьке высокой фуражки свидетельствовали о том, что он занимал влиятельную должность. Хетцеля он сразу просверлил особенно строгим взглядом, каким-то чутьем угадав в нем человека, чьи намерения могли оказаться подозрительными, если не очевидно противозаконными.

Хетцель игнорировал субъекта в фуражке и приблизился к прилавку справочного бюро. Начальница бюро, дородная черноволосая женщина с большим бугорчатым носом и гнусавым произношением, выполняла свои обязанности раздраженно и нетерпеливо: «Нет, сударь, сегодня триарха нет и не будет... Какое мне дело до того, что вам говорили? У себя дома он никогда никого не принимает... Нет, сударь, мы не организуем экскурсии, мы – служащие ойкуменической администрации. Туристическое агентство находится в Собачьей слободе. Они обслуживают несколько гостиниц в живописных районах и предлагают в аренду аэромобили... Прошу прощения, мадам, но в сектор лиссов вас не пропустят ни в каких обстоятельствах. В этом отношении они не идут ни на какие уступки... Что они сделают? Кто знает, что они делают с людьми, которых забирают к себе – надо полагать, показывают в зверинцах... Сувениры, сударь, вы можете купить в Собачьей слободе... Нет, сударь, он вернется только через пять дней, на следующее заседание. Заседания проводятся открыто, вход свободный... Да, мадам, вы можете фотографировать прилавки справочного бюро лиссов и олефрактов».

Второй служащий, высокий молодой человек с бледным и серьезным лицом, выражался не столь отрывисто, но, пожалуй, уступал свой начальнице в эффективности: «Могу ли я порекомендовать гостиницу в Собачьей слободе? Как вам сказать... Вам будет гораздо удобнее, если вы останетесь в „Бейранионе“. Не забывайте, Окраина Собачьей слободы выходит за пределы *чьей бы то ни было* юрисдикции! Там вас могут убить, и никто даже не позаботится вас похоронить... Да, собственно Собачья слобода – в секторе Ойкумены. Но не выходите за зеленую ограду, если вам не по вкусу опасные приключения... По сути дела, Окраина не так уж опасна, если держать ухо остро и не брать с собой больше двух-трех СЕРСов. Ничего там не пейте, однако, и сторонитесь азартных игр... Нет, сударь, у меня нет расписания гомазских войн. Разумеется, они часто воюют – и, если вам хочется, чтобы вас изрубили в лапшу, ищите очередную битву гомазов сами. Именно поэтому туристическое агентство сдает машины напрокат только тем, кого сопровождает квалифицированный гид... Именно так, вы не можете сами взять аэромобиль и улететь, куда глаза глядят. Это запрещено – во имя вашей собственной безопасности. Не забывайте, Ойкумена кончается здесь – вот, прямо здесь!»

Дородная начальница справочного бюро повернулась к Хетцелю: «Да, сударь, что вам угодно?»

«Я имею честь говорить с висферой Фелиус?»

«Да, это я».

«Возникла довольно-таки необычная проблема. Я обязан обсудить неотложное дело с сэром Эстеваном, но мне сообщили, что с ним никак нельзя связаться».

Висфера Фелиус фыркнула: «Ничем не могу вам помочь. Если сэр Эстеван не желает никого видеть, я не могу его заставить сделать для вас исключение».

«Разумеется. Но не могли бы вы предложить какой-нибудь не слишком унижительный способ привлечь его внимание хотя бы на несколько минут?»

«Сэр Эстеван – очень занятый человек. По меньшей мере, так он говорит – ему приходится вечно представлять всякие отчеты и рекомендации. Даже мы его видим только на заседаниях. Все остальное время он проводит где-то со своей подругой или невестой, как бы ее ни называли, – висфера Фелиус неодобрительно шмыгнула выдающимся носом. – Конечно, это не мое дело. Так или иначе, он не позволяет себя беспокоить, когда его нет в управлении».

«В таком случае, видимо, мне придется подождать. Нет ли у вас под рукой каких-нибудь справочных материалов, относящихся, главным образом, скажем, к возможностям вложения капитала?»

«Нет. Ничего такого у меня нет, – висфера Фелиус даже хихикнула от удивления. – Кто захочет вкладывать капитал здесь, у черта на куличках?»

«Насколько мне известно, у „Истагама“ дела идут неплохо».

«Какой такой Истагам? Не понимаю, о чем вы говорите».

Хетцель кивнул: «А как насчет гомазов? Они прилежные работники?»

«Ха! Предложите им лучемер, и они отдадут вам все до последнего гроша, но работать на вас не станут ни минуты. Им гордость не позволяет».

«Странно! В отеле я видел мебель, вырезанную, судя по всему, гомазами».

«Отродьями гомазов. Они заставляют детенышей трудиться, чтобы те не убивали друг друга, ежедневно устраивая потешные войны. Но чтобы матерый воин-гомаз работал? Никогда!»

«Любопытно! – заметил Хетцель. – Так вы считаете, что мне придется ждать пять дней, чтобы увидеть сэра Эстевана?»

«Не могу представить себе никакой другой возможности».

«Еще один вопрос. Я договорился встретиться здесь, на Мазе, с неким Казимиром Вульфашем. Вы не подскажете – он уже прибыл?»

«Я не слежу за всеми приезжими. Можете спросить у капитана Боу – он у нас комендант». Начальница бюро показала пальцем на сурового офицера в голубой форме с зелеными нашивками.

«Большое спасибо». Хетцель подошел к капитану Боу и снова задал свой вопрос. Сперва комендант безразлично хмыкнул, но затем сообразил произнести несколько слов: «Никогда не слышал о таком. Одни приезжают, другие уезжают. На Украине Собачьей слободы прячется добрая сотня всяких мерзавцев. Если бы они только попались мне в руки! Им не поздоровилось бы, это уж точно».

Хетцель поблагодарил капитана и удалился.

К северу от Прозрачной тюрьмы широкая дорога с плотным покрытием из материала, показавшегося Хетцелю утрамбованным гравием с примесью измельченных раковин, спускалась от Пограничной площади к Собачьей слободе – так называемый проспект Потерянных Душ. Ветер с холмов дул Хетцелю в лицо: пахло дымом, торфом и другими, не столь знакомыми испарениями. Кроме Хетцеля, по дороге никто не шел, и снова ему показалось, что он шагает во сне... Хетцель вдруг остановился и нагнулся, чтобы рассмотреть дорожное покрытие. Вопреки его первоначальному предположению, кусочки раковин и гравия на поверхности не были утрамбованы или спрессованы катком – кто-то очевидно вставлял их, один за другим, в еще не застывший бетон, выкладывая таким образом мозаику. Хетцель обернулся туда, откуда пришел, после чего снова взглянул вниз, на Собачью слободу. На сооружение мостовой было затрачено невероятное количество труда!

Над дорогой протянули ветви два высоких тонкоствольных дерева; пройдя под ними, Хетцель углубился в Собачью слободу. Проспект Потерянных Душ расширился и превратился в сквер; в центре сквера росли кипрские ладанные сосны и цветущие желтые акации, окруженные живыми изгородями пунцового кустарника. Алые, лимонные и золотистые тона выглядели особенно приятно благодаря контрасту с небом, зеленым, как морская волна, и мрачно-ватоглухим фоном северных холмов. Ближайшие сооружения не отличались единообразием – их объединяла лишь общая атмосфера небрежной захудалости. При возведении этих зданий применялись бревна, глинистый известняк, штукатурный гипс, глазурованная керамика, шлаковый кирпич и прочие материалы, разнообразием не уступавшие причудливым характерам людей, задумавших что-то строить здесь, на самом краю Ойкумены. В лавках торговали импортными пищевыми продуктами, инструментом, хозяйственной утварью и всякой всячиной; можно было заметить не меньше пяти питейных заведений и столько же гостиниц, более или менее сомнительной респектабельности. В деловом центре Собачьей слободы теснились также конторы экспортеров гомазских изделий, страховое агентство, парикмахерский салон и склад торговца силовыми установками и энергоблоками. Относительно внушительное строе-

ние из блестящего розового бетона использовалось совместно парой контор. Над первой висела вывеска:

«ТУРИСТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МАЗА
*Информация, экскурсии, гостиничные услуги
в необжитых районах».*

«Это и есть, надо полагать, небезызвестное туристическое агентство Собачьей слободы», – решил Хетцель.

На гораздо более скромной входной двери соседнего представительства была закреплена не столь заметная табличка:

«ПРЕДПРИЯТИЯ БЫРРИСА
Застройка, разработки, реклама и содействие сбыту».

Заглянув в первое агентство, Хетцель обнаружил там группу туристов, сходную с той, которую он видел в Трискелионе – или, может быть, ту же самую. Приезжие столпились у прилавка, осаждая привлекательную темноволосую девушку с печальными глазами, отвечавшую на вопросы в очаровательной манере, сочетавшей сдержанность, здоровое чувство юмора и вежливость.

Хетцель зашел внутрь и стал ждать, время от времени прислушиваясь к разговорам.

«У нас семь гостиниц в дикой местности, – говорила девушка. – Все они позволяют любоваться незабываемыми ландшафтами, и в них очень удобно. По меньшей мере, так мне говорят – сама я никогда не бывала ни в одной из этих гостиниц».

«Но мы хотели бы повидать *настоящий* Маз! – заявила одна из женщин. – Съездить туда, куда не добираются обычные туристы. И нам очень хочется посмотреть на одну из битв. Мы не какие-нибудь кровожадные извращенцы – ничего подобного! – но войны гомазов, говорят, производят незабываемое впечатление...»

Девушка улыбнулась: «У нас нет возможности организовать такой спектакль. Прежде всего, это было бы слишком опасно. Заносчивость гомазов нельзя недооценивать. Как только они заметят туристов, они прекратят военные действия и перебьют туристов, после чего снова приступят к взаимному уничтожению».

«Хммф! Мы все-таки не совсем туристы. Мы предпочитаем рассматривать себя как путешественников».

«Разумеется».

Вмешался мужчина: «А как насчет ваших гостиниц? Если гомазы настолько раздражительны, просто оказаться за пределами Собачьей Слободы, наверное, уже опасно?»

«На самом деле не так уж опасно, – возразила девушка. – По сути дела, обычно гомазы не замечают людей, если мы им не надоедаем – примерно так же, как мы не замечаем птиц, сидящих на ветках».

«А не могли бы мы посетить какой-нибудь замок гомазов? Вроде того, что изображен у вас на стене?»

Девушка снова улыбнулась женщине, покачав головой: «Это тоже невозможно. Некоторые гостиницы, однако, устроены в древних крепостях гомазов, причем номера у нас очень удобные».

Хетцель разглядывал плакаты: «Воины выстроились на поле боя в степи Туз-Тан», «Летуны из замка Коразман делают виражи под облаками», «Замок Киш на закате», «Конклав военачальников-джердов». Затем он сосредоточился на девушке: смотреть на нее было не менее занимательно, чем на рекламные плакаты. С первого взгляда Хетцелю показалось что она – хрупкое, даже тщедушное существо, но по ближайшем рассмотрении решил, что она могла бы, пожалуй, постоять за себя. Он подошел поближе к прилавку. Девушка заметила его внимание – на ее лице промелькнула улыбка. «Очаровательна!» – подумал Хетцель.

«Если у вас есть время, вы можете посетить каждую из семи гостиниц, – продолжала работница туристического агентства. – Разумеется, мы предоставляем необходимые транспортные средства».

«Но мы не можем сами управлять арендованной машиной?»

«Можете, но только в сопровождении гида. Иначе это было бы небезопасно. Кроме того, это запрещено постановлениями Триархии».

«Что ж, нам придется еще подумать. Не могли бы вы порекомендовать лучшую таверну в Собачьей Слободе – самую типичную и колоритную?»

«По-моему, они все примерно одинаковые. Попробуйте зайти в „Последнюю надежду“ – это напротив, на площади».

«Спасибо!» – туристы ушли. Девушка взглянула на Хетцеля: «Да, чем я могу вам помочь?»

Хетцель встал напротив нее: «Честно говоря, не совсем понимаю, чем именно вы могли бы мне помочь».

«Но вы зачем-то сюда пришли?»

«Ситуация такова. Мой приятель унаследовал существенную сумму и теперь хотел бы вложить капитал. Вопрос в том, куда его вложить».

Девушка рассмеялась, не веря своим ушам: «Вы хотите, что бы я что-нибудь посоветовала по этому поводу?»

«Именно так. Неожиданные идеи, как правило – самые удачные, именно потому, что они никому еще не приходили в голову. Представьте, что я вручил вам миллион СЕРСов. Что бы вы сделали с этими деньгами?»

«Я бы купила билет и смылась отсюда подальше, – уверенно заявила девушка. – Но это не совсем то, что имеет в виду ваш приятель».

«Позвольте сформулировать вопрос по-другому: каким образом человек мог бы вложить капитал на Мазе и при этом надеяться на извлечение прибыли?»

«Сложная задача. Возникает впечатление, что в Собачьей Слободе извлекают прибыль только владельцы питейных заведений».

«Я представляю себе более крупномасштабное предприятие, что-нибудь на уровне компании „Истагам“. Кстати, где можно было бы найти директора этой компании? Я хотел бы обратиться к нему за рекомендациями».

Девушка искоса бросила на Хетцеля любопытствующий взгляд, но Хетцель не смог как-либо истолковать выражение ее лица: «Об этом я ничего не знаю».

«Но, конечно же, вам известно существование этой компании?»

«И не более того. Почему бы вам, однако, не поговорить с висфером Быррисом? Он гораздо лучше меня разбирается в таких делах».

«Чем занимаются предприятия Бырриса? Или он – деловой посредник?»

«Висфер Быррис занимается практически всем, чем можно заниматься на этой планете – и обслуживанием туристов, и гостиничным бизнесом, и прокатом аэромобилей. Кроме того, он заведует, по поручению Триархии, „Мазским извозом“».

«Мазским извозом?»

«На самом деле это всего лишь несколько старых аэробусов – в них гомазов перевозят в Аксистиль и обратно в их замки. Это делается бесплатно – гомазы не стали бы летать, если бы за это взидали деньги».

«Значит, гомазы так и не приспособились к денежной экономике».

«Они ни к чему не приспособились», – девушка протянула руку к полке, взяла брошюру и протянула ее Хетцелю. Тот взглянул на заголовок: «Воины Маза».

«Спасибо, – кивнул Хетцель. – Когда, по-вашему, висфера Бырриса можно будет застать в его конторе?»

«Трудно сказать. Он то приходит, то уходит. Но вы всегда можете ему позвонить».

В приемную агентства ввалилась очередная группа туристов, и Хетцель поспешил удалиться. Прогулявшись по скверу и заглянув в витрины нескольких лавок, он зашел в таверну «Последняя надежда», чтобы освежиться кружкой эля. Здесь он принялся размышлять о том, что ему удалось узнать – то есть о скудных сведениях, сформулировать которые было очень просто:

1. Сэр Эстефан Тристо прибегал к всевозможным уловкам, чтобы избежать встреч со случайными посетителями.
2. Даже если висфер Быррис не участвовал непосредственно в деятельности «Истагама», ему, несомненно, было известно все, что можно было узнать об этой компании.
3. Служащая в вестибюле туристического агентства ни в коем случае не соответствовала представлениям Хетцеля о персоне, которую можно было бы встретить в захудалом поселке на краю Ойкумены.

Хетцель положил перед собой на стол брошюру, полученную от девушки: «Воины Маза». На обложке красовался эскиз с надписью: «Летун из замка Коразман». На парашюте стоял гомаз с закрепленными на спине крыльями из прутьев и перепонок. Ниже, мелким шрифтом, было написано: «В благоприятных погодных условиях гомаз-летун может парить в плотном воздухе Маза. Он взмахивает крыльями, приводя их в движение ногами, и по мере необходимости маневрирует, контролируя руками ориентацию передних ребер каркаса. Как правило, однако, летун использует крылья, чтобы совершить неожиданный бросок с высоты, атакуя врага».

Как узнал из брошюры Хетцель, древняя цивилизация гомазов оставалась практически неизменной на протяжении примерно миллиона лет. Внешне гомазы чем-то напоминали людей, но на этом сходство кончалось. Скелет гомазы, частично внутренний и отчасти наружный, состоял из жесткого и упругого кремнистого хряща, усиленного волокнами из органического карбофосфата с примесями кальция и магния, твердевшего под воздействием воздуха и превращавшегося в жесткий белый хитин; этот материал покрывал голову гомазы и служил основой трем параллельным гребням, каждый из которых был украшен ритмично повторяющимися, словно искусно вырезанными рядами шипов, углублений и зазубрин.

Типичный гомаз отличался непредсказуемым, непостоянным, даже каверзным характером, причем основным его побуждением было скорейшее удовлетворение личных потребностей и амбиций. Тем не менее, в этом отношении индивидуальный гомаз всего лишь демонстрировал свойства, общие для всего клана, с которым он поддерживал телепатическую связь. Гомаз воспринимал себя как неотъемлемую часть клана, а клан распоряжался им, как организм распоряжается своим органом. Таким образом, воин-гомаз не представлял себе, что он может умереть, пока не погиб весь его клан, и проявлял абсолютное бесстрашие. Поэтому с человеческой точки зрения гомаз становился парадоксальным существом, сочетавшим полную личную автономию и полное отождествление личности с социальной структурой.

Войны гомазов относились к трем различным категориям: войн, вызванных исключительно взаимной ненавистью кланов (такие войны случались относительно редко), войн, вызванных соперничеством кланов, то есть экономической необходимостью или стремлением к захвату территории, а также войн, которые и ксенологи, и социологи, и журналисты время от времени позволяли себе называть «войнами любви». Среди гомазов не было половых различий – они размножались, вживляя свои зиготы в побежденных врагов в процессе, по-видимому вызывавшем восторг у обоих участников, причем победитель поедал небольшой вырост железа с тыльной стороны шеи побежденного. Железа эта выделяла гормон под наименованием «чир», стимулировавший как развитие детенышей, так и боевой дух взрослого воина. Страстное стремление к поглощению «чира» занимало помыслы гомазы на протяжении всей

его жизни. Устраивая потешные битвы, детеныши гомазов поедали «чир» тех, кого им удалось искалечить или убить. Взрослые бойцы исполняли тот же ритуал, в результате преисполняясь ликованием торжества, восстанавливая силы и приобретая таинственную «ману»; судя по всему, «чир» способствовал оплодотворению зигот.

Гомазы пользовались некоторыми иероглифами и символическими объектами, но какая-либо письменность в человеческом понимании этого слова оставалась им чуждой – за исключением, пожалуй, самых примитивных математических формул; такое положение вещей объясняли телепатическими способностями аборигенов Маза.

За шестьдесят лет до прибытия Хетцеля на Маз первооткрывателем этой планеты стал Гейсон Вейри, бежавший из Ойкумены отщепенец. Вейри нанял орду воинов-гомазов с тем, чтобы нанести сокрушительный удар по обитателям Серсея, своего родного мира. Гомазы, быстро осознавшие возможности ойкуменического оружия, подчинили Вейри и его банду головорезов служению своей собственной цели, захватив флот космических кораблей и немедленно приступив к завоеванию Вселенной. Набеги гомазов привели к их столкновению с ранее неизвестными империями лиссов и олефрактов; в конечном счете совместные усилия трех империй позволили уничтожить флот гомазов и захватить Гейсона Вейри. Прозрачную тюрьму первоначально построили именно для того, чтобы содержать в ней Вейри и его сообщников, а для предотвращения дальнейших подобных вторжений цивилизации людей, лиссов и олефрактов учредили на Мазе трехстороннее карательно-наблюдательное учреждение, Триархию. Гомазы вернулись к традиционному способу существования, подвергая Триархию самому оскорбительному, по их представлениям, обращению – то есть относились к ней с безразличным пренебрежением.

Хетцель просмотрел другие разделы брошюры, где перечислялись кланы и описывались их характерные особенности; в приложении, на карте Маза, указывалось местонахождение клановых замков. Язык гомазов, которым они пользовались в сочетании с телепатическими сигналами, передававшими эмоции и настроения, состоял из присвистов, щебета и писков, невразумительных как для человеческого уха, так и для человеческого ума. Общение с гомазами становилось возможным лишь благодаря применению микронных переводящих устройств.

Гомазы пользовались немногими видами оружия: рукоятью примерно метровой длины с прикрепленным к ней трехметровым лассо, помогавшим ловить врага, длинным клещевым захватом, сжимавшимся подобно продолжению руки, гарпунами с тремя упругими зазубринами, а также коротким тяжелым мечом. Самые умелые элитные бойцы планировали на искусственных крыльях и атаковали противника сверху. Изредка, когда готовилось нападение на клановый замок, гомазы сооружали весьма изобретательные осадные механизмы. В качестве транспортных средств они использовали фургоны с запряженными в них одомашненными рептилиями или гигантскими червями; ели они то, что собирали или выращивали их детеныши, выполнявшие в клане всю работу.

Положив брошюру в карман, Хетцель заказал вторую кружку эля и спросил бармена: «Как по-вашему, сколько примерно людей работают на „Истагам“?»

«Истагам? Это кто?»

«Компания, поставляющая микронику».

«Никогда о ней не слышал. Спросите Бырриса, его контора напротив. Быррис тут знает все и про всех».

Опорожнив кружку, Хетцель вышел на улицу. Советом бармена не следовало пренебрегать – и, даже если Бырриса не было в конторе, всегда можно было еще раз расспросить темноволосяную девушку в туристическом агентстве.

Хетцель пересек сквер и попробовал открыть дверь конторы «Предприятий Бырриса». К его удивлению, она беспрепятственно подалась, и Хетцель зашел внутрь.

За столом говорил по телефону тяжеловесный субъект с широким мясистым лицом и копной гладких черных волос, разделенных пробором посередине и подстриженных «под горшок» над ушами в стиле, модном на планетах солнечных систем Фаянсового Каскада. У Бырриса были маленькие, почти неподвижные глаза, длинный прямой нос и массивный подбородок. Он носил свободную рубашку из расшитого узорами зеленого бархата, габардиновые бриджи в лиловую и желтую полоску и шейный платок из дорогого белого шелка, повязанный узлом сбоку над плечом. Наряд его производил неофициальное, почти праздничное впечатление, лицо Бырриса сохраняло достаточно приветливое выражение, по телефону он говорил тихо и вежливо: «...да-да, почти то же самое приходило мне в голову... Именно так. У меня посетитель, я вам позвоню».

Быррис поднялся на ноги и любезно поклонился: «Чем могу быть полезен?»

Хетцель не преминул заметить, что Быррис закончил телефонный разговор с некоторой поспешностью: «Честно говоря, не знаю. Меня просили узнать о возможностях выгодного вложения капитала на Мазе – но вполне вероятно, что вы предпочитаете не делиться такого рода информацией».

Быррис ответил на это осторожное вступление улыбкой: «Мне нечего скрывать. Откровенно говоря, однако, инвестиционных возможностей у нас не так уж много. Туристический бизнес не приносит больших доходов, и на его дальнейшее расширение надеяться трудно. Маз уже не такая новинка, какой был когда-то».

«Как насчет импорта-экспорта? Интересуются ли гомазы приобретением ойкуменической продукции?»

«Того, что мы можем им продавать, они не хотят. То, чего они хотят, нам не разрешают ввозить. Кроме того, встает вопрос об оплате. Гомазы не могут предложить в обмен ничего, кроме ремесленных изделий и боевых шлемов. Что не оставляет возможностей для крупномасштабных сделок».

«Я слышал, что у „Истагама“, однако, дела идут неплохо».

Быррис ничуть не смутился и ответил, не задумываясь: «Об этом я почти ничего не знаю. По всей видимости, они занимаются перевозками транзитных грузов, используя Маз как перевалочный пункт. На Мазе, разумеется, не взимают сборы и налоги, что может иметь большое значение для нового предприятия, стремящегося занять место на рынке».

«Думаю, что вы правы. А полезные ископаемые здесь добывают?»

«Ничего существенного. Гомазы выплавляют какое-то количество чугуна из болотной руды, но их залежи уже почти истощились. Гомазы их разрабатывают уже больше миллиона лет. По существу, Маз – выработанная, дряхлая планета».

«А с лиссами или олефрактами никто не заключает никаких сделок?»

Быррис печально усмехнулся: «Вы шутите?»

«Нет, почему же? Торговля возникает и развивается самым естественным образом, если она выгодна обеим сторонам».

«Лиссы буквально одержимы отвращением к любому взаимодействию с другими цивилизациями. Олефракты не поддаются пониманию. Проще – гораздо проще! – иметь дело с гомазами. Вы, наверное, заметили дорогу, ведущую вверх, на площадь? Клань кишей и дайядов пригнали на строительство пять тысяч детенышей, и мостовую закончили за три недели. Мы заплатили им надувными колесами для фургонов. Но на строительстве дорог здесь не заработаешь. Если бы у меня был лишний капитал, я вложил бы его в Вайре, на Люсбаррене – там ловят трейлерами ангельскую рыбу. Знаете, сколько дают за килограмм такой рыбы в Банакре?»

«Слышал, что это дорогой деликатес. Наверное, СЕРСа четыре».

«Почти угадали. А в Вайре, прямо у побережья Даля, ангельская рыба косяками ходит».

«Обязательно учту вашу рекомендацию. Насколько мне известно, вы сдаете в прокат автомобили?»

«Верно. Не слишком доходный бизнес: техобслуживание, простои, постановления Триархии – сплошная головная боль. Только что вышло очередное постановление – я не могу сдавать аэромобиль в аренду, не получив предварительное разрешение триарха. Какие-то туристы решили навестить замок Диссик на свой страх и риск и едва унесли ноги».

Хетцель нахмурился: «Значит, прежде чем я смогу арендовать аэромобиль, мне потребуется разрешение сэра Эстевана Тристо?»

«Потребуется».

«Я получу его сегодня же вечером, если вы мне подскажете, где живет сэр Эстеван».

«Ха-ха! Его не так просто поймать за хвост! Он занимается должностными делами только в Трискелионе».

«Я не спешу. Еще один вопрос: где я мог бы найти Казимира Вульффаша?»

Лицо Бырриса стало совершенно невозмутимым: «Я не знаком с этим человеком». Быррис взглянул на часы: «Прошу прощения, но мне назначена деловая встреча».

Хетцель поднялся на ноги: «Благодарю вас за полезные сведения». Когда он вышел из конторы, окна соседнего туристического агентства уже потемнели; брюнетка уже ушла домой – где бы она ни жила. Хетцель поднялся на Пограничную площадь по проспекту Потерянных Душ. Хис уже опускался к горизонту – оранжевая искра в расплывчатой дымке западного небосклона. Огромная площадь стала сумрачной и зловещей. Хетцель невольно вообразил себя призрак, бредущим по мертвому городу... События прошедшего дня не вполне удовлетворили его. Он вынужден был задавать вопросы – и тем самым произвел впечатление человека, сующего нос не в свое дело. Если компания «Истагам» занималась незаконным бизнесом, теперь по всей паутине ее организации пробежала тревожная дрожь и, вполне вероятно, реакция могла не заставить себя ждать. Преступники могли прибегнуть к примитивному насилию – исключать такую возможность было бы непредусмотрительно. Здесь, на Пограничной площади, Хетцель чувствовал себя одиноким и беззащитным – он ускорил шаги. Впереди возвышалась Прозрачная тюрьма, но узников в стеклянных клетках уже нельзя было различить. Неподалеку молча стояли две темные фигуры; они следили за проходившим мимо Хетцелем, но не попытались его остановить. Кто это? Лиссы? Олефракты? Гомазы? Люди? Водянистые сумерки не позволяли сказать с уверенностью.

Не зная, чем еще заняться, Хетцель ужинал с расстановкой, не торопясь. Когда он уже собирался покинуть ресторан отеля, в помещение почти незаметно зашел тощий человек в мягком габардиновом костюме. Хорошенько рассмотрев этого субъекта, Хетцель приблизился к его столу: «Не могу ли я присоединиться к вам на минуту?»

«Прошу вас».

«Вы заведуете охраной отеля, не так ли?»

Человек в сером костюме слегка усмехнулся: «Это настолько очевидно? Официально я занимаю должность „начальника ночной смены“. Меня зовут Керч».

«Меня – Майро Хетцель».

«Майро Хетцель... Где-то я слышал это имя».

«Может быть, вы ответите на несколько интересующих меня вопросов – очень осторожных вопросов».

«На очень осторожные вопросы вы можете получить очень осторожные ответы».

«В круг моих профессиональных интересов входит некое юридическое лицо – общество, предприятие, группировка – известное под наименованием „Истагам“. При вас когда-либо упоминалось это наименование?»

«Насколько я помню, нет. Чем занимается это, как вы выразились, „юридическое лицо“?»

«Судя по всему, оно использует космопорт Аксистилия с целью экспорта сложных и дорогостоящих механизмов на планеты Ойкумены. Высказывались предположения о том, что в дан-

ном случае на Мазе может находиться перевалочный пункт или оптовый склад для продукции, изготовляемой за пределами Ойкумены».

«У меня нет сведений о таком предприятии. Почти все мое внимание поглощено происходящим в отеле».

«Любопытно! – отозвался Хетцель. – На первый взгляд, в „Бейранионе“ царит совершенно безмятежная атмосфера».

«В данный момент этот так и есть. Но подумайте сами: наших постояльцев отделяют от Окраины Собачьей слободы какие-нибудь десять или пятнадцать минут пешего хода. Разве трудно предположить, что лисы время от времени забираются в курятник? Рекомендую хранить ценности в сейфе отеля, особенно в том случае, если вас разместили во флигеле – это наш самый уязвимый участок».

«Обязательно так и сделаю, – пообещал Хетцель. – Но вы, конечно, принимаете меры предосторожности?»

«Конечно. Мы внимательно следим за показаниями детекторов и, как правило, успеваем задержать вора».

«И что потом?»

«Проводится расследование. Обвиняемому назначают адвоката, участвующего в беседе с предъявившим обвинение должностным лицом. Обвиняемый предстает перед судом, выносится приговор. Обвиняемому позволяют подать апелляцию; внимательно рассматриваются рекомендации лиц, ходатайствующих о смягчении приговора, после чего приговор приводится в исполнение».

«Довольно-таки сложный процесс, учитывая незначительные размеры вашей юрисдикции».

«Все гораздо проще, чем вы думаете, – возразил Керч. – Я, и только я, выполняю все упомянутые функции. Я провожу расследование и предъявляю обвинение. Я председательствую в суде и выношу приговор. Я исполняю приговор, даже если это смертный приговор, что время от времени случается. Весь процесс нередко занимает меньше пяти минут».

«Ага! Высокотехнологичная и недвусмысленная процедура! Не позволите ли мне заказать бутылку вина и не откажетесь ли распить ее со мной?»

«Почему нет? – поднял брови Керч. – Насколько я понимаю, я нахожусь в приятном обществе человека сходной профессии, а что может быть более подходящим поводом для провозглашения тоста?»

Глава 4

Хетцель аккуратно перечислил возможности, относящиеся к компании «Истагам»:

I. Компания «Истагам» производила свою продукцию:

1. в пределах Ойкумены; или
2. за пределами Ойкумены; или
3. на планете Маз.

II. Компания «Истагам» осуществляла свои операции:

1. незаконно; или
2. законно, но тайно; или
3. законно, не придавая никакого значения ни сохранению в тайне, ни разглашению своих операций.

III. Операторы компании «Истагам» могли:

1. пользоваться любыми средствами с тем, чтобы воспрепятствовать расследованию; или
2. применять отвлекающие маневры и вводить в заблуждение с тем, чтобы затруднить расследование; или
3. не обращать никакого внимания на расследование.

Хетцель рассмотрел возможные сочетания перечисленных концепций, надеясь, что это наведет его на мысль о возможном дальнейшем подходе. Так и случилось. Ему пришлось признать неизбежность ожидания следующего заседания Триархии – ничего другого не оставалось. Только после такого заседания он мог обратиться с вопросами к сэру Эстевану Тристо.

Тем временем, допуская достаточную вероятность вариантов I-3, II-1 и III-1, Хетцель мог ожидать, на разумных основаниях, что его пребывание на Мазе в какой-то мере раздражало операторов «Истагама», в связи с чем ему следовало вести себя соответствующим образом.

Хетцель с наслаждением бездельничал три дня. Он завтракал у себя в гостиной, обедал в саду «Бейраниона» и ужинал в ресторане отеля. Он прогуливался по Пограничной площади, поглядывая на секторы лиссов и олефрактов, изучал Собачью слободу – и все время прислушивался к подсказкам подсознания. Пару раз он почти поддался побуждению забрести на Окраину, но сдержался – там, больше, чем где бы то ни было, ему угрожал серьезный риск.

В северо-западном углу Пограничной площади находился транспортный вокзал Маза. По словам Керча, на аэробусах мог ездить кто угодно и куда угодно, но сходить на остановках у замков гомазов не рекомендовалось. Кроме того, отважный пассажир должен был терпеть неприятный запах гомазов. Аэробусы летали медленно, окольными путями, а сиденья в них нельзя было назвать удобными. Хетцель подумал, что пилоты этих машин могли бы предоставить кое-какую осмысленную информацию, и после полудня, за день до начала заседания триархов, подождал приземления очередного аэробуса у посадочной площадки.

Из машины спустились три гомазы – высокие предводители кланов, великолепные и величественные в плащах из черной кожи и сбруях из бечевы, сплетенной из зеленых перьев. На них были чугунные боевые шлемы с тремя рядами шиповатых гребней, имитировавших белые костяные гребни их черепов. «Чудесные и ужасные создания!» – подумал Хетцель, глядя на вождей-гомазов, удалявшихся по площади. Несомненно, лучше было быть их союзником, нежели врагом – концепция, послужившая основой Триархии: каждая из сторон больше опасалась сговора другой стороны с гомазами, нежели гомазов как таковых.

Пилот отказался даже выслушать вопросы Хетцеля: «Обратитесь в туристическое агентство. Они вам все расскажут. Я занят и опаздываю – прошу меня извинить».

Хетцель пожал плечами и отошел в сторону. Не зная, чем еще заняться, он спустился по проспекту Потерянных Душ в Собачью слободу. Примерно в это время девушка, служившая в туристическом агентстве, должна была уходить с работы – и, если бы он встретил ее на улице, кто знает, чем бы все это кончилось?

Карликовая звезда Хис, блестящая, как отражение от зеркала на дне пруда, скрылась за параллельными шевронами перистых облаков, серо-зеленых на зеленоватом небе; все вокруг потускнело, и Хетцель не сразу узнал человека, вышедшего из конторы Бырриса. Хетцель на мгновение остановился, после чего бросился вперед и позвал: «Казимир! Казимир Вульфаш!»

Другой – Казимир Вульфаш? – не мешкал ни секунды. Он тут же свернул за угол, на дорогу, ведущую к Окраине слободы. Когда Хетцель добежал до угла, этого человека уже нигде не было.

Хетцель вернулся к туристическому агентству – там тоже никого не было, а дверь конторы Бырриса была закрыта. Хетцель постучался, но ему никто не ответил.

Хетцель вернулся вверх по проспекту Потерянных душ на Пограничную площадь и прошел по ее периметру к отелю «Бейранион».

Завтра должно было состояться заседание триархов, то есть ему предстояло наконец встретиться с сэром Эстеваном Тристо и взять у него интервью или навязать ему встречу – в зависимости от обстоятельств.

Хетцель проснулся в темноте. Который час? Полночь? Молочно-зеленая луна Олоэ, огромный выпуклый эллипсоид, почти заполняла оконную раму. Почему он проснулся?

Хетцель порылся в памяти: что-то скрипнуло, кто-то за что-то задел – тишайший, но зловеющий звук... Хетцель прислушался. Полная тишина. А теперь – вздох, едва уловимый. Несколько секунд Хетцель лежал неподвижно, собираясь с мыслями. В спальне стало душно, в воздухе появился едковатый привкус. Хетцель опустил ноги на пол, выбрался из постели и вышел в гостиную. Там тоже пахло чем-то едким. Он подбежал к выходной двери – она не открывалась. Ноги подкашивались, не желали слушаться. Хетцель с трудом доковылял до окна гостиной и распахнул створки – в лицо дохнул свежий ветер с холмов. Хетцель судорожно, глубоко дышал, очищая легкие. В глазах у него все поплыло, он опустился грудью на подоконник...

Хетцель снова проснулся в постели. Из окна струились косые утренние лучи; рядом, на стуле, дремала сиделка. Хетцель растер виски – в голове тяжело пульсировала боль. Воспоминания о ночных событиях заставляли его задавать себе мрачные вопросы. Ядовитый газ? Снотворный газ? Попытка убийства? Ограбление? Мечь?

Сиделка наклонилась над ним, поднесла к его губам стаканчик: «Вы можете пить? Вам станет легче».

Хетцель выпил снадобье – и действительно почувствовал себя немного лучше. Он заставил себя сосредоточить взгляд на часах. Сегодня должно было состояться распорядительное заседание Триархии... С испугом заметив, что опаздывает, Хетцель рывком занял сидячее положение. Сиделка стала протестовать: «Пожалуйста, висфер Хетцель! Вам нужен покой!»

«Мне нужно быть в Трискелионе – это важнее всего. Где моя одежда?»

Пока Хетцель протискивал все еще непослушные конечности в рукава рубашки и брюки, сиделка подбежала к телефону. Появился Керч: «Похоже на то, что вы еще живы».

«Да, похоже на то. Мне нужно спешить в Трискелион».

«Не волнуйтесь. Вы сможете туда дойти?»

«Не уверен. Что со мной случилось?»

«Газ – не знаю, какой именно. Кто-то пробрался в ваши номера – сигнализация сработала, но они успели выпрыгнуть в окно. У вас пропали какие-нибудь ценные вещи?»

«Мои деньги в сейфе отеля, там же большинство моих бумаг. У меня украли кошелек; в нем были сотня СЕРСов и несколько документов. Ничего страшного».

«Вам повезло».

Хетцель сполоснул лицо холодной водой, выпил еще стаканчик снадобья, приготовленного сиделкой, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Пульсирующая боль в голове почти прошла; он чувствовал себя слабым и вялым, но вполне способным заниматься повседневными делами. Может быть, ночное вторжение было не более чем ограблением – а может быть, кто-то не хотел, чтобы Хетцель явился на заседание триархов. И в том, и в другом случае злоумышленники остались с носом. Больших денег у него в номере не было, а на заседание он поспедал. Заверив Керча и сиделку в своей жизнеспособности, он поспешил на другую сторону Пограничной площади – сначала трусцой, потом быстрым шагом.

Над ним уже высился Трискелион. Хетцель взглянул на часы. Если заседание началось точно в назначенное время, он уже опоздал. Поднявшись по трем широким ступеням, Хетцель пересек обширное крыльцо. Как только он протянул руку, чтобы открыть хрустальную створку портала, она внезапно распахнулась, и Хетцелю пришлось отскочить, чтобы пропустить яростно покидавшего здание воина-гомаза. На какое-то мгновение Хетцель заметил сморщенное, словно вырезанное из полированной кости лицо и черные оптические сферы, горящие внутренними звездами; от существа веяло тухлятиной. Звеня цепными украшениями и множеством медалей, гомаз быстро удалялся по площади. Хетцель смотрел ему вслед – не тот ли это был гомаз, который прибыл в аэробусе вечером предыдущего дня? Где же его спутники? «Странно! – подумал Хетцель. – С чего бы он так разбушевался?»

Как только он зашел в центральный вестибюль, Хетцель почувствовал атмосферу тревожного возбуждения. За ойкуменическим прилавком справочного бюро стояла полногрудая висфера Фелиус, бледная и дрожащая. Рядом с ней, пригнувшись и вытянув шею, какой-то молодой человек настороженно смотрел вверх – туда, куда поднимался искривленный пролет лестницы.

Хетцель приблизился к прилавку. «Я пришел, чтобы присутствовать на заседании триархов, – сообщил он. – Надеюсь, я не опоздал?»

Висфера Фелиус подавилась полуистерическим смехом: «Вы опоздали, ха-ха! Вот уж действительно! Никакого заседания не будет! Никаких заседаний больше не будет – они все убиты, все!»

Молодой человек пробормотал: «Ну не волнуйтесь вы так, висфера Фелиус – возьмите себя в руки».

«Нет-нет, висфер Кайл, оставьте меня в покое. Это такой ужас, такой ужас!»

«Что происходит? – поинтересовался Хетцель. – Кого убили?»

«Триархов – всех! Несчастный сэра Эстефан! Какая беда!»

Молодой человек – висфер Кайл – раздраженно вмешался: «Не спешите с выводами! Мы еще не знаем на самом деле, в чем дело. Вот спускается капитан Боу, ему известны фактические обстоятельства».

Висфера Фелиус взмолилась: «Капитан! О, капитан Боу! Ради всего святого, что там случилось?»

Круглое лицо охранника сосредоточенно порозовело, губы сморщились трубочкой. Он задержался у прилавка: «Убийство – вот что случилось».

«Какой кошмар, капитан! А кого...»

«Триарх-лисс и триарх-олефрак – оба отправились на тот свет, и в придачу пара гомазов».

«А! Пришельцы – больше никто? А сэр Эстеван, что с ним?»

«Я успел его предупредить – он бросился под стол и на мгновение опередил выстрел».

«Хвала всевышним силам! – закатив глаза, прокудахтала висфера Фелиус. – Поставлю тысячу ароматических свеч под Священной Аркой!»

«Лучше зажгите свечку в честь капитана Боу, – посоветовал висфер Кайл. – Судя по всему, он не растерялся и проявил отвагу перед лицом смертельной опасности».

«Я всего лишь выполнил свой долг, – заявил Боу. – И готов делать то же самое десять раз в день».

«Одно не совсем ясно, – заметил Хетцель. – Кто убийца?»

Подняв брови, капитан Боу смерил Хетцеля взглядом с головы до ног. Он явно забыл о том, что они уже встречались. Не заметив ни роскошного наряда, ни каких-либо символов принадлежности к аристократическому сословию, охранник хотел было поставить незнакомца на место лаконичным выговором, но, встретив глазами пристальный прозрачно-серый взгляд сыщика, он прокашлялся и решил дать более обстоятельный ответ: «Убийца – какой-то сумасшедший юнец. Обиженный властями бродяга, сектант, фанатик – кто его знает? Не подозревая о его намерениях, я вежливо проводил его в зал заседаний. Представьте себе, как я теперь об этом сожалею!»

«Как же, я с ним говорила, с мерзавцем! – всплеснула руками висфера Фелиус. – Подумать только! От одной мысли об этом душа в пятки уходит! На нем не было опознавательной серыги – а даже если была, его шевелюра так растрепалась, что ее нельзя было заметить. Он нагло потребовал провести его к сэру Эстевану, и я перепоручила его капитану Боу. Подумать только! Он мог всех нас перестрелять!»

«И где он теперь, этот сумасшедший фанатик? Его задержали?»

«Сбежал! – с горечью обронил охранник. – Теперь он уже на Окраине, в полной безопасности».

Висфер Кайл бестактно выразил удивление: «Сбежал? Но он же был рядом с вами!»

Капитан Боу раздул щеки, устремил взгляд в пространство и размеренно произнес: «Он не был рядом – я поспешил вперед, чтобы привлечь внимание сэра Эстевана. Когда прозвучали выстрелы, наступило замешательство. Сначала я подумал, что стрелял гомаз, но тут же заметил, что два его спутника упали замертво. К тому времени убийца был уже на полпути к слободе, чтоб его черти взяли! Не беспокойтесь, мы его выманит так или иначе – или, может быть, с ним сведут счеты каким-нибудь другим способом. Уверю вас, он не отделается так легко!»

«Все это достойно сожаления», – заметил Хетцель. Обратившись к висфере Фелиус, он сказал: «Так как у меня срочное дело к сэру Эстевану, я хотел бы встретиться с ним безотлагательно, не ожидая следующего заседания Триархии».

Тон висферы Фелиус стал предельно высокомерным: «Не сомневаюсь, что сэр Эстеван слишком потрясен чрезвычайными событиями, чтобы заниматься повседневными делами!»

«Почему бы не посоветоваться по этому вопросу с самим триархом? Подозреваю, что, вопреки вашим предположениям, он человек не робкого десятка».

Фыркнув, висфера Фелиус произнесла несколько слов в микрофон, прислушалась к тихому ответу и торжествующе повернулась к Хетцелю: «Сегодня сэр Эстеван никого не принимает. Очень сожалею».

Хетцель стоял на монументальном крыльце ойкуменического фасада Трискелиона, пытаясь составить какой-то план дальнейших действий, но не испытывая особого желания что-либо предпринимать. Его ноги еще не оправались после ночного приключения, обожженное ядом горло побаливало, а голова, казалось, раздувалась с каждым вдохом и сжималась при каждом выдохе. Чем, все-таки, его отравили? Снотворным газом или ядовитым газом? Было бы любо-

пытно узнать. Все последствия и возможности, связанные с происходящим, невозможно было проанализировать. В данный момент строить какие-либо догадки было бесполезно.

Хетцель спустился по ступеням на Пограничную площадь и двинулся в направлении отеля «Бейранион». Проходя мимо Прозрачной тюрьмы, он задержался, пораженный внезапным подозрением, чтобы еще раз рассмотреть апатичные лица узников. Никто из них не напоминал внешностью Казимира Вульффаша, что было неудивительно – тем более, если человек, с которым Хетцель чуть не столкнулся вчера вечером, в самом деле был Вульффашем.

Хетцель отвернулся. На скамье неподалеку сидел молодой человек с растрепанными волосами, в мятой грязноватой одежде и потертых башмаках. Потускневшие от пыли светлые волосы и недавно пробившаяся борода недостаточно скрывали слишком заметные, крупные черты его лица, очевидно искаженные злобой или ненавистью. Хетцель остановился, чтобы взглянуть на этого субъекта, за что был вознагражден пылающим ожесточенным взглядом голубых глаз.

«Не могу ли я присесть рядом с вами?» – вежливо спросил Хетцель.

«Делайте, что хотите».

Хетцель уселся. От молодого человека пахло пропотевшей, давно не стираной тканью: «Меня зовут Майро Хетцель».

Юноша только угрюмо хмыкнул. «А вас как зовут?» – поинтересовался Хетцель.

«Не ваше дело!» Через несколько секунд молодой человек выпалил: «Кто вы такой? Что вам нужно?»

«Как я уже сказал, я – Майро Хетцель. Что мне от вас нужно? Пожалуй, я был бы не прочь побеседовать с вами несколько минут».

«У меня нет ни малейшего желания с вами разговаривать».

«Как вам угодно. Но вам следовало бы знать, что человек, описание которого более или менее соответствует вашей внешности, только что совершил тяжкое преступление. Если настоящего преступника не найдут в ближайшее время, вас могут ожидать серьезные неприятности».

Какое-то время казалось, что юноша промолчит. В конце концов он хрипло спросил: «Вы из полиции? Если так, ищите вашего преступника где-нибудь в другом месте».

«Нет, я не связан с полицией. Могу ли я все-таки поинтересоваться, как вас зовут?»

«Гидион Дерби».

«И сегодня утром вы посетили Трискелион?»

«Можно сказать и так».

«И во время своего визита вы уколошили двух триархов?»

Гидион Дерби очевидно удивился: «Двух триархов? Каких именно?»

«Лисса и олефракта».

Гидион Дерби тихо рассмеялся и откинулся на спинку скамьи.

«Для вас это, по-видимому, не слишком поразительная новость».

«Они хотели, чтобы я убил Эстевана, – отозвался Дерби. – Но все пошло кувырком. После всех приготовлений, после того, как они затратили столько усилий...»

«Чем больше вы объясняете, тем меньше я понимаю происходящее, – признался Хетцель. – Проще говоря: почему вы решили нарушить свой хитроумный план и прикончили пришельцев вместо сэра Эстевана?»

«О чем вы говорите? Я никого не убивал. Хотя, признаться, кое-кто заслуживает смерти».

Хетцель задумчиво произнес: «Описание убийцы – диковатого растрепанного молодого человека с неистовым темпераментом – не слишком отличается от того впечатления, которое производите вы».

Гидион Дерби снова развеселился – на этот раз его смех был хриплым, кашляющим: «У меня нет двойников. Иногда мне кажется, что меня самого нет».

Хетцель рискнул спросить наугад: «Надо полагать, компания „Истагам“ несправедливо с вами обошлась».

Веселье Гидиона Дерби словно сдуло ветром: «„Истагам“? При чем тут „Истагам“?» Молодой человек казался озабоченным и озадаченным.

«Вы не знаете?»

«Конечно, не знаю. Я ничего не знаю».

Хетцель принял решение и поднялся на ноги: «Пойдемте со мной. В отель „Бейранион“. Там капитан Боу не сможет предъявить нам никаких претензий».

Дерби не сдвинулся с места. Несколько раз моргнув, он посмотрел куда-то на другую сторону Пограничной площади, после чего снова повернулся к Хетцелю: «Зачем?»

«Я хотел бы выслушать последовательное изложение вашей истории – особенно в том, что относится к вашим связям с компанией „Истагам“».

Дерби крякнул и встал: «Мне все равно больше нечего делать».

Они направились к «Бейраниону».

Глава 5

Оказавшись у себя в апартаментах, Хетцель указал гостю на душевую: «Вымойтесь. И сбросьте старую одежду в мусоропровод».

Гидион Дерби что-то неубедительно пробормотал и направился в душ. Тем временем Хетцель вызвал по телефону парикмахера и заказал новую одежду.

Через некоторое время посреди гостиной стоял чистый, подстриженный, бритый Гидион Дерби в свежей, только что выглаженной одежде. Неизменным оставалось лишь угрюмо-упрямое выражение у него на лице. Хетцель разглядывал его с осторожным одобрением: «Ну вот, теперь вы выглядите, как совсем другой человек. Вы могли бы, ничем не рискуя, вернуться в Трискелион и прикончить, скажем, висферу Фелиус».

Гидион Дерби проигнорировал этот несколько язвительный комплимент и рассмотрел себя в зеркале: «Я не был похож на себя уже... не помню, с каких пор. Несколько месяцев, наверно».

Появились официанты с буфетной тележкой и накрыли на стол. Гидион Дерби ел, не скрывая аппетит, и выпил больше половины бутылки зеленого вина.

В конце концов Хетцель спросил: «Каковы, в целом, ваши дальнейшие планы?»

«К чему какие-то планы? Нет у меня никаких планов. Меня ищет полиция».

«Не слишком старательно, насколько я понимаю».

Внезапно встревоженный, Дерби поднял глаза: «Почему вы так думаете?»

«Не странно ли, что убийца застрелил двух триархов, пока капитан Боу наблюдал за происходящим, а затем спокойно перешел площадь и уселся на скамье напротив Трискелиона, целый и невредимый? Вполне может быть, конечно, что я переоцениваю профессиональную компетенцию капитана Боу».

«Я не убийца, – ничего не выражающим тоном обронил Дерби. – Зачем вы меня сюда привели?»

«Меня интересует компания „Истагам“. Я хотел бы услышать все, что вы можете о ней рассказать. Все очень просто».

«Все не так просто, как вы думаете. Так вы не работаете на полицию?»

«Нет».

Голос Дерби приобрел презрительный оттенок: «Филантроп, значит. Любитель странностей и причуд».

«Я – частный детектив», – пояснил Хетцель.

«Какая разница? У меня нет никаких секретов, – Дерби жадно опрокинул в глотку полстакана вина. – Ну хорошо, я расскажу, что со мной случилось. Можете мне верить или не верить, мне все равно. Я родился и вырос в Тропе, на планете Цицели. Мой отец владеет поместьем на одном из северных островов – на острове Хульдис – если вы когда-нибудь бывали на Цицели, вы о нем слышали. Это тихое и мирное место, где никогда ничего не происходит, кроме сбора урожая и чемпионатов по хуссейду, и даже наш хуссейд – степенная, добропорядочная игра, мы не обнажаем шерлей, к сожалению... Короче говоря, когда я вырос, меня охватила жажда к перемене мест и, закончив университет в Дэггльсби, я нанялся в качестве суперкарга на звездолет компании „Голубая стрела“. В Порт-Вольдене, на планете Арбелло, нам поручили доставить груз на Маз – в частности, надо полагать, то самое вино, которое мы с вами пьем».

«Только не это вино. Это „Медлин-Эстергази“ с Сент-Вильмина».

Дерби нетерпеливо отмахнулся: «Мы разгрузились в здешнем космопорте и взяли на борт новый товар в обрешетке. Получателем груза значилась компания „Истагам“ в Твиссельбейне на планете Тамар».

«В Твиссельбейне? И там вы встретились с Казимиром Вульфашем? Или он представился Кармином Дарублем?»

«Ни с кем таким я не встречался. Звездолет разгрузили, после чего я отправился в «Сады наслаждений» на окраине города и там познакомился с темноволосой красавицей по имени Элиджано, с чудесным вкрадчивым голосом. Она только что приехала в столицу из глубинки – по меньшей мере, так она сказала. Я в нее влюбился, одно последовало за другим, и через два дня я проснулся без гроша в кармане, а Элиджано улетучилась. Когда я сумел вернуться, наконец, в космопорт, мой корабль уже улетел, и я остался на мели.

Ко мне подошел какой-то субъект и спросил, не хочу ли я быстро заработать деньги. «Как быстро, и сколько денег?» – спросил я. Это была моя вторая ошибка. Первую я допустил в «Садах наслаждений». Субъект назвался Бангхартом и сообщил, что промышляет контрабандой. Что ж, мне нужны были деньги, и я принял его предложение. Мы погрузили в трюм старой космической посуды обрешеченные контейнеры без маркировки – примерно такие же, какие мы увезли с Маза, только гораздо тяжелее. Я знал, что вся эта афера была как-то связана с компанией «Истагам», хотя Бангхарт ничего мне не объяснял.

Так что мы взлетели на этой развалюхе, и через некоторое время оказались на орбите планеты, окруженной оранжевым нимбом. Бангхарт назвал эту планету «Дис» – что бы это ни значило. Мы разгрузили трюм при лунном свете, на острове посреди болота».

«У планеты Дис нет оранжевого нимба», – заметил Хетцель.

Гидион Дерби пропустил его слова мимо ушей: «Бангхарт приближался к этой планете с великой осторожностью и, насколько я понимаю, ожидал какого-то сигнала, потому что мы опустились на поверхность внезапно, как падающий камень, с ночной стороны. Так что мы очутились на острове посреди болота и всю ночь разгружали трюм вручную, а у нас над головами висела великолепная, огромная полная луна, зеленая, как крыжовник».

«У Диса нет никакой луны», – заметил Хетцель.

Дерби кивнул: «Мы были здесь, на Мазе. Когда трюм опустел, Бангхарт приказал мне остаться и охранять груз, после чего мне должны были поручить другое задание. Я жаловался – но вежливо и осторожно, потому что мне было нечем подкрепить свои аргументы. «Да, господин Бангхарт, – сказал я в конце концов. – Будет сделано, господин Бангхарт. Буду охранять груз, как зеницу ока». Драндулет улетел. Я был уверен в том, что меня убьют, и поэтому залез на дерево и спрятался среди ветвей.

Сидя на дереве, я принялся размышлять. Глядя на луну – большую, пузатую и зеленую – я понимал, что снова нахожусь на Мазе. Доставленные ящики несомненно содержали оружие для гомазов. Шансы на спасение в этой ситуации были невелики. Если бы меня поймали гомазы, меня бы тут же прикончили без разговоров. Если бы меня поймал патруль Триархии, меня посадили бы на верхний этаж Прозрачной тюрьмы.

В тусклом зеленом лунном свете невозможно было разглядеть окрестности. Я сидел на дереве, пока не взошло солнце, после чего спустился на землю. День случился пасмурный, было почти так же сумеречно, как ночью, но я заметил тропу, ведущую через болото – через самые топкие места были перекинута бревна.

Я все еще колебался. Бангхарт приказал мне охранять груз, а я его страшно боялся. Я до сих пор его боюсь. Даже больше, чем раньше. Но в конце концов я решил пойти по тропе. Я шел по ней часа два, пережил несколько незначительных приключений, но ничего страшного не случилось, и в конце концов я выбрался на сухой берег топи. Вдоль берега тянулась каменная ограда. К тому времени мне уже ничто не казалось странным. Тропа вела к воротам ограды, а там меня ждал человек. С этого момента моя история становится совершенно безумной. Я не сошел с ума, прошу заметить – просто со мной случилось что-то невероятное. Человек этот был высок и прекрасен, как Аватар Гисрод: в белой мантии и в белом тюрбане с вуалью из мелкой белой сетки, расшитой узором из черных жемчужин. Судя по всему, он ожидал

моего появления. «Доброе утро, сударь! – сказал я ему. – Не могли бы вы указать мне дорогу в ближайший цивилизованный населенный пункт?»

Красавец ответил: «Разумеется. Идите сюда». Он подвел меня к походному шатру: «Подождите минутку внутри».

Я объяснил, что предпочел бы ждать снаружи, но он только молча указал на шатер. Я туда зашел и потерял сознание. Надо полагать, Красавец наполнил его снотворным газом, пока меня ждал». Гидион Дерби скорбно вздохнул.

«Я очнулся в просторном помещении без окон и дверей, на полу шириной двенадцать шагов и длиной четырнадцать с половиной шагов. Потолок был настолько высок, что я едва мог его разглядеть. Судя по всему, я лежал без сознания не меньше двух или трех дней – мой подбородок уже покрылся щетиной, я все еще был в полубморочном состоянии и очень хотел пить. У стены стояли стол со стулом и кушетка, сколоченные из неокоренных бревен – в моем положении, конечно, не приходилось критиковать качество и стиль мебелировки. Я еще не все рассказал, но что вы об этом думаете?»

«Я еще не думал – я только слушаю. Пока что не вижу никакой связи между различными этапами ваших злоключений».

Дерби не сдержал мрачную усмешку: «Вот именно. Где все это началось? Когда я покинул университет? Когда я впервые оказался на Мазе? В „Садах наслаждений“? Когда я связался с Бангхартом? Или такова была моя судьба изначально? Важнейший вопрос!»

Хетцель покачал головой: «Возможно, мне не хватает проникательности...»

На этот раз Дерби не проявил нетерпение: «Суть дела в том... нет. Сначала следует закончить рассказ. Исключительно нелепая история, как вы считаете?»

Хетцель снова наполнил бокалы: «В том, о чем вы говорите, может быть какая-то закономерность, но она еще не очевидна ни вам, ни мне».

Дерби пожал плечами, всем видом показывая, что ему в любом случае все равно: «Я осмотрелся. Помещение освещалось двумя высоко подвешенными лампами. Стены были обшиты белым пластиком, пол покрыт серым композитным материалом. На одном конце этой странной камеры было что-то вроде маленькой сцены или подиума, высотой и шириной метра полтора, с двумя дверцами по бокам, заделанными вровень со стеной. На столе стоял кувшин. Я решил, что в нем вода, и выпил все, что в нем было. У воды был странный привкус; уже через несколько минут у меня начались колики, и я согнулся пополам. Убеденный в том, что меня отравили, я приготовился к смерти. Но я не умер – меня только рвало, раз за разом, пока я не ослабел настолько, что больше не мог ничего выдавить. Тогда я забрался на кушетку и заснул.

Проснувшись, я почувствовал себя лучше. Камера оставалась такой же, как прежде – только кто-то оказался настолько любезен, что прибрал на полу, а на столе рядом с кувшином стояла фотография Красавца. Но все-таки что-то было не так. Была ли это та же самая камера? Нет! Теперь стены были покрыты бледно-желтым пластиком, а не белым. Я проголодался и все еще хотел пить. Поднявшись на ноги, я заметил на маленькой сцене хлеб, сыр и фрукты, а также стеклянную кружку с пивом. Минуту-другую я смотрел на все это, не двигаясь с места. Может быть, пиво тоже было отравлено, как вода. Какая разница, однако? Отравиться было не хуже, чем умереть с голода. Я схватил хлеб с сыром. Они были резиновые. А в кружке было не пиво, а какое-то плотное желе. На дне кружки лежала фотография подмигивающего человека – Красавца.

Я понял, что надо мной издеваются, и решил стоически переносить происходящее. Кто-то наблюдал за мной – какой-то помешанный садист, причем садистом этим был, вероятно, Красавец собственной персоной. Я твердо решил, что он не получит от меня никакого удовлетворения. Отвернувшись, я отошел от сцены, сел на стул – и тут же вскочил, пронзенный электрическим шоком. Полный достоинства, я направился к кушетке. Вся постель была про-

питана водой. Тогда я уселся на столе. Через несколько минут я снова взглянул на сцену – поднос переместился, что-то изменилось. Посидев на столе еще минуту-другую, я беззаботно прошелся по камере, чтобы рассмотреть содержимое подноса поближе. На этот раз в нем была настоящая еда. Я взял поднос, поставил его на стол и наелся. При этом я сидел на стуле – голод заставил меня полностью забыть, что это был электрический стул. Наевшись, однако, я вспомнил об этом, и каждую секунду ожидал очередного шока. Но ничего не произошло. Между прочим, так меня кормили на всем протяжении моего заключения. Иногда еда была настоящей, но в большинстве случаев она была резиновая. Промежутки времени между настоящими кормежками были неравномерными – я никогда не знал, когда меня снова надуют». Дербби горестно рассмеялся: «Когда официанты привезли сюда тележку, я был почти уверен, что еда будет поддельная – и нисколько не удивился бы, если бы так оно и было».

«Возникает впечатление, что вы стали жертвой тщательно продуманной, систематической пытки».

«Называйте это как хотите. Трюк с едой был детской шуткой по сравнению с тем, что последовало. Через некоторое время я даже привык к нему настолько, что перестал придавать ему значение. Кстати, электрическим шоком меня больше ни разу не пугали, хотя я постоянно подозревал, что рано или поздно это случится. И после первого неприятнейшего случая с кувшином воды я ни разу не отравился ни едой, ни питьем. Покончив с первой кормежкой, я снова огляделся – стены стали голубыми. Причем я был совершенно уверен в том, что раньше они были желтоватыми. Я стал на самом деле сомневаться, в своем ли я уме. Цвет стен продолжал меняться – но только тогда, когда я на них не смотрел: то они были белыми, то желтыми, то голубыми, а время от времени становились коричневыми или серыми. Я научился ненавидеть коричневый и серый цвета, потому что, как правило – но не всегда! – потемнение стен значило, что меня ожидала какая-нибудь особенно изобретательная мерзость».

«Странная процедура! – заметил Хетцель. – Возможно, своего рода эксперимент?»

«Сначала я тоже так думал. Но со временем отказался от этой мысли... Первые несколько дней ничего особенного не происходило, кроме изменения окраски стен и появления резиновой еды. Как-то раз, когда я лежал на кушетке, она сбросила меня на пол; в другой раз подомной обвалился стул. Иногда я слышал у себя за спиной какие-то едва различимые звуки, раздававшиеся, однако, рядом, почти вплотную – шаги, шепот, хихиканье. А потом меня навел Красавец. Стены стали серыми. Взглянув на сцену, я заметил, что около нее в стене открылась дверь, ведущая в длинный коридор. В дальнем конце коридора появился человек. На нем был водевильный костюм старого повесы Шальхо: трико в обтяжку из белого вельвета, расшитая голубыми узорами короткая розовая куртка с золотистыми кисточками, брыжи. Высокий, сильный человек с величавой походкой, очень красивый. Он подошел к краю маленькой сцены и смотрел в мою сторону – не на меня, а в мою сторону – со странным выражением на лице, не поддающимся описанию: насмешливым, скучающим, презрительно-надменным. Красавец сказал: «Ты здесь удобно устроился. Слишком удобно. Мы этим займемся».

Я закричал: «Зачем вы меня тут держите? Я же ничего вам не сделал!» Он словно меня не слышал, но наставительно произнес в воздух: «Тебе придется взяться за ум и хорошенько подумать». Я ответил: «Тысячу раз я уже думал обо всем, о чем здесь можно было думать!»

И снова он не обратил внимания на мои слова. «Надо полагать, ты чувствуешь себя одиноко, – посочувствовал Красавец. – Может быть, тебя развлечет подходящая компания. Действительно, почему нет?» И в тот же момент на сцену выбежала дюжина зверьков, похожих на маленьких куниц, но с колючими хвостами, длинными острыми клыками и шипами, растущими из суставов конечностей. Пища и шипя, эти бестии набросились на меня. Я вскочил на стол и сбрасывал их пинками на пол, когда они прыгали, пытаясь меня достать. Красавец наблюдал из дверного проема с абсолютно спокойным лицом – он даже ни разу не улыбнулся. Два или три раза этим адским хорькам почти удалось в меня вцепиться, но в конце концов они

потеряли терпение и стали бегать по камере. Когда кто-нибудь из них пробежал мимо, я прыгал на него со стола и ломал ему шею или хребет. Таким образом я их всех уничтожил. К тому времени Красавец уже давно смылся, а дверь закрылась.

Я свалил зубастые трупы в углу и стал изучать тот участок стены, где был дверной проход. Дверь соединялась со стеной бесшовно, невозможно было нащупать даже мельчайшую неровность – еще одна тайна, хотя теперь я уже воспринимал тайны, как повседневные события, как должное, если можно так выразиться. Тем не менее, если Красавец хотел, чтобы я думал, он добился своего, потому что я только и делал, что думал.

Я никак не мог догадаться, зачем со мной сыграли такую изощренную подлую шутку. За что мне было мстить? За исключением жалкой провалившейся авантюры с контрабандой, за всю свою жизнь я практически никому не сделал ничего плохого. Эксперимент? Кто-то хотел свести меня с ума? Но в таком случае меня можно было бы подвергать гораздо более жестокому обращению. Меня принимали за кого-то другого? Вполне возможно. Или, может быть, я оказался во власти свихнувшегося озорника, наслаждавшегося жестокими шутками. Я не мог представить себе никакого разумного объяснения происходящему».

«А вам приводилось снова встречаться с Красавцем?»

«Приводилось, как же! И каждый раз перед этим стены становились серыми, хотя иногда они становились серыми, но Красавец не появлялся. Происходили другие вещи. Однажды в камере прозвучали фанфары, заиграла музыка, и на сцену высыпала стайка дрессированных птиц. Они танцевали и кружились и скакали, играя в чехарду, и маршировали строем туда-сюда, а потом принялись бешено кувыркаться, прыгая со сцены. Музыка превратилась в кошачий концерт, фанфары трубили невпопад, тарелки оглушительно звенели, стучали барабаны. И вдруг все смолкло. Послышалось только девичье хихиканье, и наступила полная тишина. Девичий смех напомнил мне об Элиджано – хотя, конечно, я понимал, что такое совпадение невозможно. А потом я подумал: невозможно? Все было возможно!

Примерно через час погасли лампы, камера погрузилась в непроглядный мрак. Прошло несколько минут, и темноту с громовым хлопком озарила чудовищная, ослепительная зеленая вспышка. Это было настолько неожиданно, что я чуть не свалился с кушетки. Я продолжал лежать, ожидая следующей вспышки, но минут через пять зажглись обычные лампы.

В камере стал появляться тюремщик – странное существо, наполовину мужчина, наполовину женщина. Нет, в самом деле! У него правая половина была мужской, а левая – женской. Он – я все-таки называю его «он» – никогда со мной не говорил, и я с ним тоже не говорил. Он прохаживался по камере, заглядывал то туда, то сюда, подмигивал и гримасничал, выделял какой-нибудь дурацкий акробатический трюк и уходил. Он посещал меня, кажется, раз пять, после этого я его больше никогда не видел. Но однажды я проснулся и увидел, что на полу ползают на четвереньках три голые девушки в черных масках. Заметив, что я на них смотрю, они выбежали из камеры. Одна из них была Элиджано – так мне показалось, но я в этом не уверен. Примерно в то же время мне стали подавать блюда самых необычайных размеров и форм: миниатюрную миску с огромной кривобокой ложкой, сорокалитровый котел, наполовину закрученный в спираль, с маленьким кусочком сыра на дне, переплетения трубок и колбочек, из которых мне приходилось добывать питье, узкий футляр – примерно метровой длины, но шириной чуть больше сантиметра – содержавший три горошины. Меня это скорее забавляло, нежели огорчало, хотя меня никогда не кормили вдоволь.

Снова погасли лампы, и я лежал на кушетке, ожидая внезапной зеленой вспышки. Но на этот раз под потолком стал клубиться светящийся газ. Газ рассеялся, а потолок превратился в экран с видом моего родного дома в Тропе. Вид этот стал сменяться пейзажами окрестностей Тропа, а затем и другими видами, которые я уже не узнавал. Все эти картины были так или иначе искажены – они дрожали, размывались, растекались. На потолке появилось мое лицо, а вслед за ним – вид моего затылка сверху. Две руки разрезали мой череп

пилой и обнажили мой мозг. Куда-то вдаль убегала Элиджано; потом потолок заполнило спокойное строгое лицо Красавца. Прошу заметить, все это я видел не во сне. Сны во время моего заключения, наоборот, были спасительными оазисами вменяемости и здравомыслия... Лампы зажглись. Я сел на кушетке, позевывая и почесываясь, словно давно привык к подобным видениям и не видел в них ничего заслуживающего внимания. С тех пор я решил, что Красавец намеревался свести меня с ума. Я до сих пор так думаю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.